В. П. Фирсова

PACCKAMY BAM O CEBE N CBONX KOJUJETAX

СОДЕРЖАНИЕ

1.	С думами о почвоведении	5
2.	Официальные сведения обо мне	8
3.	Краткая историческая справка	18
4.	Мои учителя	34
	Александр Александрович Завалишин	34
	Борис Павлович Колесников	50
	Роман Викторович Ковалев	65
	Станислав Семенович Шварц	75
	Сергей Владимирович Зонн	78
	Леонора Александровна Гришина	87
5.	Мои ученики и помощники	89
	Генриетта Клементьевна Ржанникова	89
	Валерий Степанович Дедков	93
	Наши помощники	101
6.	Коротко о самых дорогих мне людях	105
7.	Послесловие	112

У почвоведа нет идей беспочвенных.
И не уходит почва из под ног,
Поскольку вдохновение к нему приходит
не с высот заоблагных,
Я с опцущением земми, которую познать
и полнобить он смаг!

B9 Tupens

1. С ДУМАМИ О ПОЧВОВЕДЕНИИ

Вместе с юбилеем Института экологии полувековую дату отметило уральское академическое почвоведение. За это время оно прошло довольно трудный путь, то есть почвоведение, как и другие биологшические науки, постигали различные реорганизации, сокращения, изменялось направление исследований.

Преодолевая трудности, почвоведение не только выстояло, но и приобрело особую значимость при решении современных экологических проблем природопользования и при оценке антропогенного воздействия на почвенный покров Уральского региона.

Современные успехи почвоведения стали возможными прежде всего потому, что его служению посвятили себя энтузиасты своего дела. преданные этой сложной и интересной области знаний. Я могу передать глубоко личные воспоминания и впечатления о таких людях, с которыми мне довелось работать или общаться.

В разные годы в Институте работала большая плеяда почвоведов, одни из которых оставили значительный след в развитии уральского почвоведения, другие в силу разных обстоятельств оказались случайными людьми и ненадолго связали свою деятельность с Институтом.

Возвращаясь к далекому 1944 году, нельзя не вспомнить Бориса Алексеевича Лебедева, первого заведующего лабораторией почвоведения. Это был замечательный ученый, которому принадлежат первые монографические описания почв: "Почвы Свердловской области", 1949; "Почвы нечерноземной зоны Урала", 1956.

В первой из них была помещена почвенная карта области (лист Свердловск, М 1:1000000), составленная большим авторским коллективом. Инициаторами создания такой карты были московские почвоведы, сотрудники Института почвоведения им. В.В.Докучаева, эвакуированные в годы войны в Свердловск. Они работали в составе комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала и широко привлекали материалы местных опытных почвоведов.

Среди работавших в то время на Урале почвоведов были выдающиеся почвоведы: Е.Н. Иванова, К.П. Богатырев, Н.А. Ногина, Н.А. Качинский, Вадюнина, А.В. Барановская и др., которые внесли свой достойный вклад в изучение генезиса, географии и картографии почв.

В их работах преимущественное внимание уделялось изучению агрохимических свойств пахотных почв. Лесные почвы оставались слабо изученными. Тем не менее, нужно упомянуть первые попытки изучения лесорастительных свойств почв, результатом которых явилась глава в книге Б.А. Лебедева "Почвенные условия произрастания кедра на Урале" (1955) и статье "Почвы Припышминских боров" (1956), опубликованной Владимиром Владимировичем Надеждиным. Это единственная работа об уральских почвах, поскольку его пребывание в Свердловске было непродолжительным. В последние годы своей жизстал известным почвоведом, доктором биологических наук, профессором и заведовал кафедрой лесного почвоведения в нической академии в г. Ленинграде. Он слыл неуживчивым человеком, по-видимому поэтому и не задержался в Свердловске, как и в других сибирских местах, где он потом работал.

Что касается Б.А. Лебедева, то его научная судьба сложилась в целом не очень удачно. Конечно, опубликованные книги принесли ему известность и материальное благополучие (в то время за издание монографий платили большие гонорары), но ему так и не удалось свои знания и опыт воплотить в диссертацию. К необходимости сде-

лать это он пришел достаточно поздно и будучи в "солидном" возрасте не смог преодолеть сдачу экзаменов кандидатского минимума. Кроме того на его научной судьбе очень плохо отразилась реорганизация Института биологии, а именно, перевод руководимой им лаборатории в УралНИИСХоз. В этом новом институте он не нашел себя и устроился на работу в Институт цветных металлов, где изучал возможность использования промышленных отходов как микроудобрений для сельского хозяйства. Он не поддерживал никаких связей с почвововедами города, никогда не приходил на заседания общества почвоведов...

С организацией группы лесного почвоведения в составе лаборатории лесоведения, руководимой Б. П. Колесниковым, начался новый этап - лесное почвоведение, а затем - экология почв.

2. ОФИЦИАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБО МНЕ

(из представления Ученого совета ИЭРиЖ УрО РАН в связи с конкурсом на действительных членов и членов-корреспондентов экологической академии)

Фирсова В.П., 1928 г. рождения, заведующая лаборатории экологии почв Института экологии растений и животных УрО РАН, доктор биологических наук, профессор по специальности "почвоведение", член-корреспондент экологической академии.

В.П. Фирсова - один из ведущих почвоведов нашей страны, основатель уральской школы лесных почвоведов. Ею внесен значительный вклад в изучение генезиса, географии, картографии почв, в оценку роли почвенных условий в повышении производительности лесной растительности, в реализацию научных достижений в практику сельского и лесного хозяйства.

За 40 лет научной деятельности ею обследованы почвы центральной и северо-восточной частей нечерноземной зоны европейской территории России, Урала (от Полярного до Южного) и прилегающей к нему Западной Сибири.

Работами В.П. Фирсовой расширены представления о свойствах и географических закономерностях распространения бурых лесных почв Урала и других горных систем (Кавказ, Крым), что позволило ей не только впервые обосновать выделение бурых почв на Урале, но и выяснить их региональные особенности.

В.П. Фирсовой и ее учениками положено начало изучению запасов и качественного состава гумуса бурых горно-лесных, подзолистых, дерново-подзолистых и серых лесных почв Урала и Зауралья, результаты которых широко используются в настоящее время в качестве

эталона при оценке антропогенного воздействия на гумусное состояние почв. Под руководством В.П. Фирсовой выполнена значительная часть пионерных работ по почвенной микробиологии на Урале. Состав микрофлоры в ее работах рассмотрен как один из признаков диагностирования бурых лесных почв.

Существенный вклад внесен В.П. Фирсовой в познание особенностей почвенного покрова районов Крайнего Севера, в частности пойменных почв нижнего течения реки Оби и криогенных почв Ямала.

На основе почвенно-географических и многолетних стационарных работ ею разработана диагностика почв по степени оглеения, проведена их группировка по нуждаемости в мелиорации. Впервые на Урале изучена динамика почвенных процессов и круговорота веществ в системе почва - растение в горно-лесных биогеоценовах. Полученные материалы могут быть использованы при организации мониторинга лесных земель.

Результаты исследований обобщены В.П. Фирсовой в 154 печатных работах и реализованы в 22 почвенных картах разных масштабов, том числе в листе "Ивдель" "Государственной почвенной карты", также в 20 почвенных очерках с рекомендациями о путях рационального использования и улучшения земель. В.П. Фирсова автор 10 монографий: Лесные почвы Свердловской области и их изменение под влиянием лесохозяйственных мероприятий. Свердловск. 1968: Почвы таежной зоны Урала и Зауралья, М.: "Наука", 1977; Почвы высоких широт горного Урала (в соавторстве с В.С. Дедковым), Свердловск, "Hayka", 1983; Почвенные условия и особенности биологического круговорота веществ в горных сосновых лесах (в соавторстве с Т.С. Павловой) М.:. "Наука", 1983; Мелиоративные особенности избыточно увлажненных почв Зауралья (в соавторстве с В.В. Каневым), Сверд-

ловск, 1988; Биогеоценотические связи и почвообразование в сопряженных ландшафтах Среднего Урала (в соавторстве с Т.С. Павловой и B.C. Дедковым), Свердловск, 1990; Академик И.П. Герасимов как почвовед (страницы жизни и творчества) (в соавторстве с С.В. Зонном), М.: "Наука", 1991; Почвообразование в долгопоемных ландшафтах высоких широт (в соавторстве с Ф.Г. Гафуровым), Екатеринбург, 1992: Гумус и почвообразование в агроэкосистемах (в соавторстве с Ю.Г. Красуским, П. В. Мещеряковым, Т.А. Горячевой), Екатеринбург: 1993; Почвенно-экологические условия накопления и пере-Havka. распределения радионуклидов в воне ВУРСа (в соавторстве с И.В. Модчановой, П.В. Мещеряковым, Т.С. Павловой и др.), Екатеринбург, 1996 и трех статей монографического плана: "К изучению генезиса почв подволистого типа на покровных суглинках Центральной части Русской равнины" (в соавторстве с А.А. Завалишиным) - 5.6 п.л., М.-Л., 1960; "Почвы южной тайги и хвойно-широколиственных лесов Урала и Зауралья" (в соавторстве с Г.К. Ржанниковой) - 5.0 п.л., Свердловск, 1972; "Оценка гумусного состояния пахотных почв как основа их рационального использования" - препринт (в соавторстве с Ю.Г. Красуским, П.В. Мещеряковым) - 4.75 п.л., Свердловск, 1988.

В.П. Фирсова - член Проблемного совета по почвоведению и мелиорации почв РАН, член 2-х Специализированных Советов по присуждению ученой степени кандидата и доктора биологических наук, председатель ботанической секции Ученого совета института экологии.

В течение нескольких лет В.П. Фирсова была председателем координационного совета по продовольственной проблеме в Уральском регионе и организатором конференции, по материалам которой под ее редакцией опубликован сборник трудов "Экологические аспекты продовольственной проблемы", Свердловск, 1990. В последние годы она осуществляла научное руководство и координацию комплексных работ по оценке антропогенного (радиационного, техногенного и сельско-хозяйственного) воздействия на почвы Уральского региона. По сово-купности критериев и параметров разрабатывала концепцию экологического состояния почв.

На протяжении 12 лет она возглавляла Свердловское отделение Всесоюзного общества почвоведов, была делегатом почти всех съездов и XI международного конгресса почвоведов. В настоящее время член международного общества почвоведов (МОП), член центрального совета РОП.

Под руководством В.П. Фирсовой защищено 10 кандидатских диссертаций и одна подготавливается к защите. В течение 6 лет она проводила преподавательскую работу на биологическом факультете Уральского Госуниверситета им. А.М. Горького. Является консультантом по почвенным исследованиям в институтах УралНИИгипрозем, УралНИИвх, Свердловскгипроводхоз.

В.П. Фирсова участница Великой Отечественной войны, награждена медалями "За оборону Ленинграда", "Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.", "Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.", "50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.", "Медаль Жукова", "За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина", "Ветеран труда", памятной медалью, посвященной 100-летию выхода книги В.В. Докучаева "Русский чернозем", бронзовой медалью ВДНХ.

Выписка из решения Ученого Совета Института экологии растений и животных УрО РАН

Фирсова Вера Павловна - опытный, широко эрудированный исследователь. О многообразии ее научных интересов и исключительной работоспособности свидетельствует большое количество опубликованных в последние 5 лет работ общим объемом 58 п.л.

В них освещаются вопросы круговорота веществ в лесных биогеоценовах, геневис и география избыточно увлажненных почв, гумусное состояние почв агроценовов, особенности пойменного почвообразования в высоких широтах, история почвоведения и др.

Уникальный материал, полученный ею на основе многолетних стационарных наблюдений за динамикой почвенных процессов используется в настоящее время при организации мониторинга и прогнозирования антропогенного влияния на почвенный покров Уральского региона.

В течение 2-х последних лет В.П. Фирсова осуществляет научное руководство комплексными исследованиями в зоне Восточно-Уральского радиоактивного следа, в результате которых ею будет предложена концепция экологического состояния почв, учитывающая радиационное, техногенное и сельскохозяйственное воздействие на почвенный покров. В.П. Фирсова - признанный ученый. В 1992 году она избрана в Центральный совет Российского Общества почвоведов и в 1993 году - членом Международного общества почвоведов.

Учитывая большой вклад В.П. Фирсовой в разработку проблем почвоведения и перспективность ее научных планов Ученый Совет Института экологии растений и животных УрО РАН рекомендует ее для участия в конкурсе на присуждение научной стипендии для выдающихся ученых России.

А вот мнение о В. П. Фирсовой сотрудников даборатории лесного почвоведения (а затем даборатории экологии почв) - из статьи Т. Чистяковой "Хотя встреча и не состоядась..." - "Советская женщина", 1981, N 6. С. 12-13 (печатается с сокращениями).

Первым назвал мне имя Веры Павловны Фирсовой главный ученый секретарь Уральского научного центра Академии наук СССР Георгий Николаевич Кожевников, когда говорил об Институте экологии растений и животных. Он посоветовал познакомиться с Верой Павловной Фирсовой.

Во время беседы с Ниной Петровной Пичугиной (она ученый секретарь института) выяснилось, что Фирсова еще не вернулась из отпуска. "Не беда, что намеченная встреча не состоится" - так думала я. Сотрудники Веры Павловны на месте, каждый что-то скажет. И может быть, сам собой нарисуется ее портрет...

Н.П. Пичугина:

- ... Вы просто не знаете Веру Павловну. Без нее и без лаборатории лесного почвоведения вам не обойтись. Нельзя понять экологию без почвоведения. Земля, почва - это основа любой экологической системы. На определенных почвах развиваются и живут определенные сообщества растений и животных. Природа едина. Чтобы разумно распоряжаться ее богатствами, не нанося ущерба, надо знать ваконы природных явлений и процессов. Фирсова внесла большой вклад в науку о почвах, нет в нашей стране другого такого специалиста по лесным почвам, как она. А человек она симпатичный! Жизнерадостная, энергичная. Яркая личность, в толпе не затеряется. И общение с ней - истинное удовольствие. Сами потом будете жалеть, что не дождались...

Валерий Степанович Дедков, старший научный сотрудник лаборатории лесного почвоведения, кандидат биологических наук, всегда замещает Фирсову, если она отлучается надолго. Он, а за ним и другие сотрудники очень охотно рассказывали о Вере Павловне, то серьезно, то с улыбкой, как о самом близком человеке, припоминая характерные случаи, детали из жизни лаборатории.

В.С. Дедков:

- Вот мы силим в кабинете Веры Павловны. Думаете, по случаю вашего прихода я его открыл? Нет. Ее кабинет - не святая святых, а нормальная рабочая комната, как все остальные. Так заведено, что все книги Веры Павловны, справочники, картотека - наше общее достояние. Нужно здесь поработать - приходи и занимайся. Такой она демократичный человек. Впрочем, ближе к теме...

В биографии Веры Павловны, на мой взгляд, два важных штриха. Первое: она родом из Ленинграда. Там пережила военную блокаду, а это очень много значит для воспитания характера. Там она окончила университет, аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию. И второе: формирование ее научных взглядов, становление ее как исследователя происходило под влиянием замечательного ученого, члена-корреспондента АН СССР Бориса Павловича Колесникова. Здесь, на Урале, Колесников утвердил новое направление в лесоведении - географогенетическое. Леса стали изучать в динамике их развития с учетом географических, геологических и климатических особенностей того или иного района, в связи с почвами, флорой и фауной. Вера Павловна занималась почвами.

Очень быстро, за неполных десять лет, она прошла труднейшую дистанцию от должности младшего научного сотрудника до заведующего лабораторией. У нее живой и деятельный, изобретательный ум. Талант организатора, умение работать целеустремленно и, я бы сказал, с азартом. И сверх того - врожденная способность располагать к себе людей.

И. А. Ужегова,

младший научный сотрудник:

- Если бы вы увидели Веру Павловну, она бы вам очень понравилась. Обаятельный человек. Повеселиться любит со всеми наравне. Не очень она здорова, иногда прихварывает. Но больна или не больна, а в глазах все равно чертики скачут.

Вот в День Советской Армии подарили мы Валерию Степановичу носки собственного рукоделия. Красивые, полосатые. Каждая из нас сделала одну полоску, вывязав на ней свое имя. И Вера Павловна тоже. Она ведь все и придумала.

С ней приятно бывать в экспедициях. Никаким делом не гнушается. Землю копать, палатки ли ставить — она первая. И у костра посидеть охотница. Притом, заметьте, никакого панибратства. Простота отношений и взаимное уважение. А больше всего меня поражает ее способность быстро работать. На что иному ученому нужен год, ей хватит месяца. Все вокруг нее кипит.

В. С. Дедков:

- В лаборатории, я не боюсь сказать, Вера Павловна произвела переворот. В основу всех преобразований легла оригинальная идея Фирсовой о геолого-географическом родстве Уральских гор с горными массивами других стран. В Карпатах, на Кавказе, в Крыму под лесами преобладают бурые почвы. Урал считался исключением.

Фундаментальные комплексные исследования, выполненные Верой Павловной и под ее руководством, опровергли прежние ошибочные представления. Оказалось, что земля под пологом уральских лесов гораздо богаче, что разные типы бурых почв есть в северной и средней тайге, даже в горной тундре. А для Южного Урала бурые почвы вообще типичны...

Г. Н. Лукьянец.

лаборант:

- Говорят, в нашей лаборатории самая благоприятная рабочая атмосфера. Я бы еще добавила - атмосфера доброжелательности и сердечности. К Вере Павловне мы идем с любой нашей бедой. Она поймет, посочувствует, непременно поможет. Каждый испытал это на себе. За ошибки или упущения наказывать не любит, но и без внимания ничего не оставит. Лишний раз объяснит человеку, в чем его вина, на собрании не смолчит, если проступок требует того. Но после никогда больше не напомнит вам о вашей оплошности. А вот белоручек не терпит, они у нас не приживаются. Пройдет вера Павловна по всем помещениям, посмотрит и скажет: "А не пора ли нам перетряхнуть лабораторию?" И мы "перетряхиваем", чтобы все блестело. Самим приятно...

Т. А. Горячева:

- Работать под руководством Веры Павловны - большая удача для молодого человека. Она постоянно интересовалась моей учебой, у нее можно было получить любую консультацию. За моей дипломной работой "Свойства почв северной тайги" она наблюдала как за важным лабораторным экспериментом. Вникала в методику, помогала правильно истолковать результаты исследований. Предложила мне сделать доклад для сотрудников. Советы и замечания товарищей были мне очень полезны. Диплом я защитила на "отлично".

Мне кажется, Вера Павловна очень счастлива. У нее семья прекрасная: любящий муж, двое варослых дочерей, такие же способные и красивые. Во всем она преуспеда, на все у нее хватило сил.

...Веру Павловну Фирсову мне так и не удалось повидать. Ее ждали со дня на день, но моя командировка кончилась, и надо было уезжать. Только правду говорят: нет худа без добра. В отсутствие Веры Павловны мне удалось узнать о ней гораздо больше, чем рассказала бы она сама.

З. КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Почвоведение в стенах Института биологии УФАН СССР развивалось со времени его образования под руководством Б.А. Лебедева.

Объектом исследований лаборатории были пахотные почвы Свердловской области. Материалы этих исследований обобщены в двух монографиях: "Почвы Свердловской области" (1949) и "Почвы нечерновемной зоны Свердловской области" (1952) и статье монографического плана в издательстве "Наука" "Агрохимическая характеристика почв Свердловской области" (1964). С участием сотрудников лаборатории псчвоведения была составлена Государственная почвенная карта (лист Свердловск, М 1:1000000). Однако уже в рамках этой лаборатории начинало зарождаться лесное почвоведение. Было проведено обследование почв кедровых лесов Ивдельского лесхоза и почв Припышминских боров. В 1955 году лаборатория была переведена во вновь организованный зональный институт сельского хозяйства (Урал НИИСХоз).

В решениях Ученого совета Института биологии того периода намечалась перспектива создания лаборатории лесного почвоведения, которая должна была восполнить имеющийся пробел в изучении почвенного покрова лесных территорий и создать предпосылки для научного решения практических задач лесного хозяйства. Создание ее практически началось с 1956 года по инициативе Б.П. Колесникова и при активном содействии С.С. Шварца. Поначалу в составе лаборатории лесоведения была организована группа из 4 человек (Фирсова В.П., Киршина А.Г., Повадырь Р.М., Полякова С.И., а с 1958 года -Арефьева З.Н. и в 1961 году - Павлова Т.С.). В 1962 году в ее состав влились почвенные микробиологи (Хренова Г.С., Кулай Г.А., Ищенко Н.Ф.) и двое аспирантов (Крючков В.А. и Дергачева М.И.) и группа была оформлена как самостоятельная при директоре института академике С.С. Шварце (см. Распоряжение N 15 от 9 сентября, 1963 г.). В 1976 году почвенная группа была выделена в лабораторию лесного почвоведения, а с 1986 года, учитывая большой географический диапазон объектов исследования (вплоть до тундры) и биогеоценотическую направленность исследований, она была переименована в лабораторию экологии почв.

Непосредственным организатором и руководителем лаборатории является В.П. Фирсова. Основную задачу лаборатория видела в изучении генетических особенностей, географических закономерностей распространения лесных почв, их лесорастительных свойств, в оценке антропогенного воздействия на свойства лесных почв и в разработке мероприятий, направленных на повышение производительности лесов и плодородия почв. Благодаря этим исследованиям был выделен и получил сравнительную оценку с аналогичными почвами других горных систем новый на Урале тип бурых лесных почв. Определены экологические условия, определяющие возможность формирования их на Урале, изучены особенности гумусообразования и своеобразие микроэтих почв, в отличие от подзолистых. Эти материалы в боценозов дальнейшем широко использованы при составлении почвенных Kapt территорий (в том числе и во впервые выполненных лаборалесных торией крупномасштабных картах лесных территорий) и в обосновании целей лесного хозяйства типологии лесов. С повиций наших ПЛЯ представлений расширен ареал этих почв в Башкирии, Казахстане и частично в Сибири.

Данные о бурых лесных почвах Урала обобщены в работах Фирсо-

PACHOPREHME

по институту Биологии уральского Филиала Ан СССР г.Свердловск от 9 сентября 1962 г.

正 14

\$ 1.

В связи с тем, что профессор <u>Б.П.КОЛЕСНИКОВ</u> с 5 сентября с.г. будет выполнять обяванности заведующего леборатории по совместительству с работой в Госуниверситете,
ответственной ва внутренний распорядок и текущую работу по
лаборатории лесоведения назначить к.б.н. <u>Р.С.ЗУБАРЕВУ</u>.

§ 2.

Считать с 5 сентября с.г. приказ по Институту № 12 от 4 июня 1962 г. о выделении в непосредственное подчинение дирекции института группы лесного почвоведения и микробиодогии, вступившим в силу.

ДИРЕКТОР Института биологии УфАН доктор - профессор

/G.C. MBapn/

Академия наук СССР УРАЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР институт экологии растений и животных

приказ

___16.06.86r.____ No.__4I__

г. Свердловск

В соответствии с решением Ученого севета Института от 06.06.86г. протокол № 6, переименовать лабораторию лесного почвоведения в лабораторию экологии почв.

Директор Института, член-корреспондент АН СССР

В. Н. Большаков

1/4 Bepuo 3ab rany Holing

Институт экологии растений и животных УНЦ АН СССР

ВЫПИСКА

ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА ИНСТИТУТА ЭКОЛОГИИ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ УНЦ АН СССР

Подлинник протокола находится в делах Ученого совета

0 переименовании лаборатории лесного почво -Слушали: ведения.

Постановили: Учитывая расширение тематики лаборатории л ного почвоведения ее работы с почвами тундр и сельскохозяйственных объектов, усиление экологической направленности работ признать целесооб разным переименование данной лаборатории в лабора торию экологии почв.

> чл.-корр.АН СССР Верно: Учений секретарь

В.Н.Большаков Н.П.Пичугина Н.П.Пичугина

вой В.П., Ржанниковой Г.К., Кулай Г.А., Дергачевой М.И. и Новогородовой Г.Г.

В тесной связи с этой генетической проблемой почвоведения стоит изучение особенностей поступления и миграции веществ в системе растение - почва в горно-лесных биогеоценовах. Изучение, проведенное Т.С. Павловой в разных подзонах лесной зоны Урала, позволило выявить роль экологических условий во взаимозависимости между химическим составом почв и произрастающей на них древесной и травяно-кустарничковой растительностью. Впервые получены сведения о запасах и зольном составе напочвенного покрова, лесных подстилок и опадающих частей древесного полога, как основных параметров биологического круговорота веществ в сосновых лесах Среднего Урала.

В дальнейшем эти исследования были продолжены в еловых лесах Среднего Урала в стационарных условиях на участках геохимически сопряженных ландшафтов в более сложной системе: атмосфера - растение - почва - почвообразующая порода. Эти исследования знаменуют новый этап в познании горного почвообразования и изучении баланса веществ в естественных биоценозах, как необходимой основы для экологического прогнозирования антропогенного воздействия на почвенный покров.

Оценка антропогенных влияний на почвы занимает большое место в наших исследованиях. Это, прежде всего, влияние лесохозяйственных мероприятий: рубка леса, огневая чистка лесосек. Комплексный подход к решению этих вопросов (сравнительно-географические, стационарные и лабораторные методы исследования в многолетнем цикле) позволил получить оригинальный материал, который хорошо известен и в нашей стране, и за рубежом. Позднее в круг наших интересов

вошло изучение сельскохозяйственного использования почв как на агрохимические свойства, так и на гумусное их состояние. Оценивалось влияние на свойства почв продолжительности сельскохозяйственного воздействия. способов обработки почв. доз и качества органических удобрений и др. В отличии от предшествующих исследований изучались не только количество и запасы гумуса, HO N NX чественный состав. Впервые определена роль пожнивно-корневых остатков в гумусонакоплении в почвах. Эти исследования направлены на решение не только теоретических вопросов экологии гумусообравования в условиях интенсивной антропогенной нагрузки на но и на разработку практических рекомендаций с целью оптимизации гумусного состояния почв и получения экологически чистой продукции. Результаты этой работы обобщены в монографии (Фирсова, Kpaсуский, Мещеряков, Горячева).

Важным антропогенным воздействие на почвенный покров в условиях промышленного Урала является промышленное загрязнение. Это огромная и многоплановая проблема. В лаборатории начато изучение накопления, особенностей миграции и роли в почвообразовании фтора, серы и некоторых тяжелых металлов в почвах в зависимости от расстояния от источника эмиссии и конкретных физико-химических свойств. Эти исследования были начаты И.А. Ужеговой и Т.В. Спасовой. Ими был получен большой полевой и аналитический материал, который не суждено было обобщить в связи с преждевременной смертью Ужеговой Ирины Александровны и отъездом за рубеж Т.В. Спасовой. Работа фактически была начата заново аспиранткой С.Ю. Кайгородовой на тех же объектах.

В связи с комплексным изучением почв зоны ВУРСа в пределах Каменского района Свердловской области проведен сравнительный

анализ накопления ТМ (тяжелых металлов) в лесных, луговых и пакотных почвах, расположенных в 5, 10 и 20 км от источников эмиссии. Это позволило выявить принципиальные качественные и количественные различия между ними.

В системе антропогенного воздействия на почвенный покров большое место в наших исследованиях отводилось изучению радионуклидного загрязнения. Впервые был проведен тщательный анализ роди гумусовых веществ (его качественного состава) не только в накоплении и миграции радионуклидов, но и реконструкции загрязнения непосредственно после Кыштымского варыва. Установлены уровни соврадионуклидного загрязнения и выполнено зонирование ременного территории одного из совхозов Каменского района. Все эти материалы обобщены в коллективной монографии "Почвенно-экологические условия накопления и перераспределения радионуклидов в зоне ВУРСа". Особое место в исследованиях лаборатории занимает изучение почв Крайнего Севера. Эти работы начаты были как часть комплексных исследований по МБП на стационаре "Харп", а в дальнейшем расширены на территорию Полярного и Приполярного Урада и п-ва Ямал. Изучение сезонной динамики почвенных процессов, практически не проводившееся ранее в условиях тундры, позволили В.С. Дедкову научно обосновать роль мералоты не только как геохимического барьера, но а агента трансформации гумусовых веществ и ретинизации гумуса. настоящее время на хоздоговорной основе начат новый этап в познании криогенного почвообразования, а главное - особенностей трансформации почвенного покрова под влиянием различных антропогенных воздействий на тундру. Эти исследования направлены на поиск путей охраны легкоуязвимых почв и ландшафтов и их рекультивацию.

В тесной связи с этой проблемой находится изучение пойменных почв нижнего течения реки Оби. К настоящему времени изучены особенности распространения различных типов почв в зависимости от высотных уровней поймы, выявлена совокупность элементарных почвенных процессов, формирующих свойства почв, в том числе и их гумусного состояния, в разных экологических условиях пойменного почвообразования. Выяснена взаимозависимость между свойствами продуктивностью лугов, что представляет большой интерес почв и решения ряда практических вопросов Ф. Г. Гафуровым отмечена ДЛЯ специфика пойменного почвообразования в условиях Крайнего Севера, что в целом противоречит широко распространенному мнению об азональности пойменных почв и требует дальнейшего углубленного сравнительного изучения пойменных почв других речных систем. Результаты этих исследований обобщены в монографии (Гафуров, Фирсова, 1992).

Сотрудниками и аспирантами лаборатории защищено: 1 докторская диссертация (В.П. Фирсова, 1971) и 14 кандидатских диссертаций (Кулай Г.А., 1963; Арефьева З.Н., 1964; Крючков В.А., 1966; Ржанникова Г.К., 1967; Дергачева М.И., 1969; Дедков В.С., 1976; Павлова Т.С., 1978; Новогородова Г.Г., 1981; Канев В.В., 1985; Ужегова И.А., 1988; Мещеряков П.В., 1990; Гафуров Ф.Г., 1990; Борисова Г.Г., 1992; Прокопович Е.В., 1995). Защищена 1 докторская диссертация бывшей аспиранткой лаборатории М.И. Дергачевой (1988).

По материалам исследований опубликовано 11 монографий и 1 препринт:

1. Фирсова В.П. Лесные почвы Свердловской области и их изменение под влиянием лесохозяйственных мероприятий, 1969.

- 2. Фирсова В.П. Почвы таежной зоны Урада и Зауралья, 1977.
- 3. Фирсова В.П., Дедков В.С. Почвы высоких широт горного Урала, 1983.
- 4. Фирсова В.П., Павлова Т.С. Почвенные условия и особенности биологического круговорота веществ в горных сосновых лесах, 1983.
- 5. Фирсова В.П., Канев В.В. Мелиоративные особенности избыточно увлажненных почв Зауралья, 1988.
- 6. Фирсова В.П., Павлова Т.С., Дедков В.С. Биогеоценотические связи и почвообразование в сопряженных ландшафтах Среднего Урала, 1990.
- 7. Зонн С.В., Фирсова В.П. Академик И.П. Герасимов как почвовед (страницы жизни и творчества), 1991.
- 8. Гафуров Ф.Г., Фирсова В.П. Почвообразование в долгопоемных ландшафтах высоких широт, 1992.
- 9. Фирсова В.П., Красуский Ю.Г., Мещеряков П.В., Горячева Т.А. Гумус и почвообразование в агроэкосистемах, 1993.
- 10. Дедков В.С. (главы 4, 5, 6) в монографии "Природа Ямала", 1995.
- 11. Фирсова В.П., Молчанова И.В., Мещеряков П.В., Павлова Т.С., Караваева Е.Н., Прокопович Е.В., Тощев В.В. Почвенно-экологические условия накопления и перераспределения радионуклидов в зоне ВУРСа, 1996.
- 12. (Препринт) Фирсова В.П., Красуский Ю.Г., Мещеряков П.В. Оценка гумусного состояния пахотных почв как основа их рационального использования, 1988.

8 сборников трудов лаборатории:

- 1. Почвы и гидрологический режим лесов Урала, вып. 36, 1963.
- 2. Лесные почвы Урала, вып. 55, 1966.

- 3. Лесные почвы северной тайги Урада и Зауралья, вып. 76, 1970.
 - 4. Лесные почвы южной тайги Урала и Зауралья, вып. 85, 1972.
- 5. Особенности горного почвообразования под пологом лесов, вып. 109, 1982.
 - 6. Серые лесные почвы Предуралья, 1982.
 - 7. Антропогенные воздействия на свойства почв, 1987.
 - 8. Экологические аспекты продовольственной проблемы, 1990.

Работа лаборатории по мелиорации почв награждена бронзовой медалью ВДНХ, за вклад в развитие отечественного почвоведения В.П. Фирсова награждена медалью В.В. Докучаева "100 лет Русскому чернозему".

Научные исследования лаборатории тесно связаны с выполнением хоздоговорных работ, в результате которых осуществлены следующие наиболее важные проекты:

- I Рекультивация промышленных отвалов
- 1. Алюминиевого завода (Каменск-Уральский) (по хоздоговору совместно с УрГУ) (1970-1971 г.г.).
- 2. Желегорудных отложений в различных природных условиях Урала (по хогдоговору совместно с УрГУ) (1972-1975 г.г.).
- 3. Золотодобывающей промышленности на приполярном Урале (раздел комплексной темы по хоздоговору с ПО "Уралзолото") (1981-1984 г.г.).
- 4. Разработка методов нуждаемости нарушенных мерзлотных почв в рекультивации и испытание технологии рекультивации (комплексной темы института экологии, раздел основные принципы сохранения и восстановления почв тундры Ямала, руководитель работы В.С. Дед-

ков, 1988-1989 г.г. По каждому из них дана подробная характеристика содержания химических элементов в субстратах, проведены полевые опыты с внесением мелиорантов и с последующим посевом растительности. Разработана концепция первичного почвообразования и рассчитана скорость формирования зонального типа почв. Работы имеют большое природоохранное значение. Руководство по разделу "почва" осуществлялось В.П. Фирсовой и Г.И. Махониной (УрГУ).

- II Комплексная оценка радиоактивного и промышленного загрязнения ТМ почвенного покрова (по хоздоговору с "Госкомчернобылем").
- 1. Установлена современная плотность загрязнения радионуклидами почв зоны ВУРСа в различных ландшафтно-геохимических условиях и в зависимости от биологического круговорота веществ в разных экосистемах (лес, агроценоз, луг). Произведен балансовый расчет отчуждения радионуклидов с урожаем в течение поставарийного периода и частичного их возврата с пожнивно-корневыми остатками. Оценена роль гумусовых веществ в реконструкции радионуклидного загрязнения и в процессе закрепления и миграции радионуклидов в почве. Предложена система мер реабилитации земель с учетом имеющей место в последнее время деградации почвенного плодородия. Обоснована необходимость радиоэкологического мониторинга и на основе зонирования территорий выбраны объекты наблюдений. Работа выполнялась в 1992-1993 г.г. под руководством В.П. Фирсовой.
- 2. Аналогичная работа выполнена в 1994 году по теме: Исследование экологического состояния территорий, подверженных действию радиоактивного и других антропогенных факторов (раздел комплексной темы по хоздоговорам с Оренбургской областной администраци-

- ей). Почвенное обследование проведено под руководством В.П. Фирсовой.
- 3. Проведено сопряженное определение содержания ТМ различных групп токсичности в пахотных почвах и в возделываемых на них культурах в пригородной зоне г. Каменск-Уральский.

Предложена оценка загрязнения почв ТМ не только по их содержанию, но и по запасам в пахотном слое. Установлен факт превышения ПДК концентрации ТМ в сельскохозяйственных растениях, там, где их количество в почвах не превышает ПДК, имеющий важное методическое значение для целей мониторинга загрязненных почв агроценозов.

4. Оценено влияние загрязнения ТМ почвенного покрова в промышленных зонах (Первоуральско-Ревдинский - СУМЗ и Кировградский промузлы). (Раздел комплексной темы по хоздоговору с администрацией г. Кировград).

Выявлено формирование специфичных морфологических признаков промышленно загрязненных почв, установлена возможность проявления в определенных условиях "техногенного оглеения" и оценено изменение основных показателей почвенного плодородия и биологической активности почв. На основе изучения магнитной восприимчивости почв уточнено зонирование территорий. Исследования проведены в 1991-1995 г.г. в ходе выполнения двух аспирантских работ под руководством В.П. Фирсовой.

- III Разработка критериев оценки деградации почвенного покрова сельскохозяйственных угодий (по хоздоговору по программам "Экологическая безопасность России" и "Урал").
 - 1. Предложена система показателей по оценке дегумификации

почв, установлены ее масштабы в разных почвенно-экологических условиях, проведены полевые опыты с применением различных доз органических удобрений, предложены практические меры по оптимизации гумусного состояния почв. Результаты исследований внедрены на примере серых лесных почв на базе совхоза "Бородулинский" (Свердловской области).

- 2. Диагностика и количественные критерии степени оглеения пахотных почв Зауралья. Работа выполнена по хоздоговору с институтом "Свердловскгипроводхоз" с 1976 по 1981 год под научным руководством В.П. Фирсовой. Работа удостоена бронзовой медали ВДНХ в 1988 году.
- 3. Разработка экологического нормирования природоохранных мероприятий при строительстве и эксплуатации сооружений ж/д Паюта-Н.Порт (раздел комплексной темы института "Морфологическая и физико-химическая характеристика почв", руководитель В.С. Дедков, 1992 год).

IV Влияние рубки леса и других лесоховяйственных мероприятий на свойства почв (по ховдоговору со Свердловским Управлением лесного ховяйства, Свердловской аэрофотолесоустроительной экспедицией).

Оценено влияние концентрированных рубок еловых и сосновых лесов и связанной с ними сменой древесных пород на водно-физические, химические и биологические свойства почв.

Установлена зависимость степени происходящих в почвах изменений от исходных лесорастительных условий и возраста рубок.

Предложена система мер по ускорению процесса лесовосстановления на вырубках, повышению продуктивности лесов и почв с целью поддержания лесосырьевой базы. Материалы переданы для внедрения в Областное управление лесного хозяйства и в лесхозы, на базе которых проводились исследования. Работа имеет как природоохранное, так и экономическое значение, выполнялась под руководством В.П. Фирсовой в период с 1962-1965 г.г. и 1988-1990 г.г.

V Экологические последствия и возможность биологической рекультивации загрязненных нефтью болот (по хоздоговору с АО "Ноябрьскиефтьгаз")

Проведена оценка оригинального способа борьбы с нефтевагрязнением болотных экосистем, создающего предпосылки для актививации биологической рекультивации. Работа начата в 1995 году и будет продолжена. Научный руководитель В.С. Дедков.

VI Лаборатория экологии и почв располагает арсеналом данных по вещественному составу, динамике почвенных процессов и биологического круговорота веществ в системе почва - растение для территорий, испытывающих относительно слабое антропогенное воздействие, которые могут быть использованы в качестве "эталона" (контродя) для оценки степени антропогенного воздействия на почвы. Лаборатория располагает обширным почвенно-картографическим материалом разных масштабов, в пределах различных природных зон и районов, позволяющих на их основе наметить пути многоцелевого испольвования и улучшения почвенного покрова. Сбор данных проводится начиная с 1956 года. Они обобщены в восьми монографиях и шести сборниках трудов лаборатории экологии почв. Почвенное картироваземель совхозов и колхозов Свердловской области выполнено по ние хоздоговорам с институтом "Уралгипрозем", земель лесхозов (NBдельский, Уралмашевский, Верх-Исетский, Бисертский, Билимбаевский) по хоздоговорам с Ульяновской и Свердловской лесоустроитель-. ными экспедициями, почвенно- мелиоративная карта составлена по

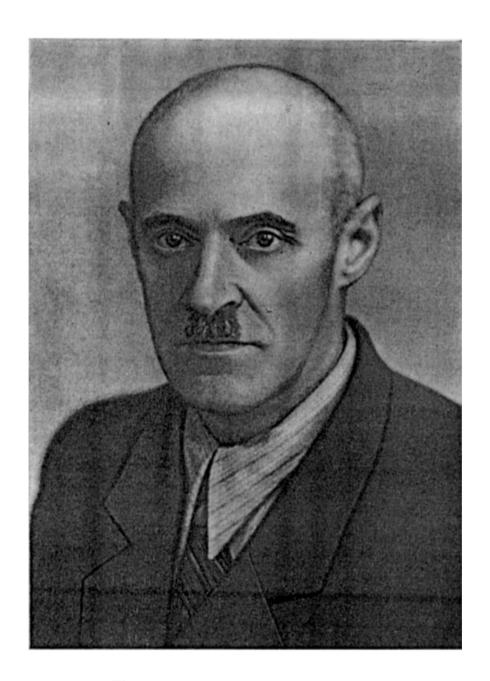
хоздоговору совместно с институтом "Свердловскгипроводхоз" (совхозы: "Северский", "Торнощитский", "Шиловский"; колхозы: "Мир", "Энгельса". Все эти работы выполнялись под руководством В.П. Фирсовой с 1962 по 1988 год. В последние 10 лет выполнена серия почвенных и комплексных карт п-ва Ямал под руководством В.С. Дедкова.

4. МОИ УЧИТЕЛЯ

Судьба ко мне была благосклонна. Она подарила мне встречи и общение с замечательными людьми, благодаря которым произошло мое становление не только как ученого, но и человека.

Завалишин Александр Александрович

Первым своим учителем я считаю А.А. Завалишина. Внешне он был очень неприметным человеком - маленький, худощавый, болезненный, без какого-то профессорского величия. Припоминаю такой случай, мы ехали в экспедицию в Вологодскую область. Я с сотрудниками музея - в купейном вагоне, а Александр Александрович - в мягком. И вот на одной из станций мы решили его навестить, знали только номер вагона, в котором он ехал. Идя по вагону, спрашивали не видели-ли в в каком купе едет профессор, невысокого роста. Все качали головами, что мол профессора не видели. В экспедицию он, как в старые докучаевские времена (судя по фотографиям того времени) ездил в русской рубахе (косоворотке) и в русских сапогах. Он был очень скромным человеком и только общение с ним позволяло оценить его интеллигентность, незаурядность личности. Он был выходцем из светской семьи, свободно владел французским языком, о чем я узнала, когда он, возвратившись с Международного конгресса почвоведов во Франции, рассказал как ему пришлось от имени советской делегации на французском языке приветствовать участников конгресса, и, более того, быть тамадой на банкете. Он говорил, что очень волновался, поскольку считал, что французский язык напрочь забыл, но, тем не менее, успешно объяснялся.

Профессор А. А. Завалишин (1902—1958)

Он был удивительным лектором. Читал лекции всегда без записок. Он как-то оригинально общался с аудиторией, задавая вопросы, спрашивая мнение, то есть заставлял быть активными слушателями. Самым замечательным его лекционным курсом был "Интерпретация почвенных анализов". Он читал его для географов почв, а ходили его слушать всем курсом. Лекции сопровождались практическими занятиями. суть которых состояла в том, что по карточке, где приведены основные данные анализов, нужно было описать морфологическое строение профиля почв, дать ее название и, более того, - откуда она взята (географическая привязка). Долгие годы я хранила рукописи этих лекций. Его последняя ученица, Дина Андреева, которая после окончания аспирантуры вела преподавательскую работу, хотела издать эти лекции и собирала все записи, у кого они сохранились. Отдала и я свои записи. Увы, издать ей эти лекции так и не удалось, но, очевидно, для нее они были большим подспорьем в педагогической деятельности и дай Бог, что для кого-то они сыграли такую же роль в овладении специальностью, какую для нас, кто непосредственно слушал Александра Александровича Завалишина.

Он был подлинный докучаевец, безгранично влюбленный в почвоведение. Он был одним из последних учеников (вместе с Ю.А. Ливеровским) академика Глинки и, несомненно, прошел хорошую школу. Александр Александрович не только любил свое дело, но и умел увлечь, заинтересовать других. Я поступала в Университет на биофак, но по конкурсу не прошла, и мне предложили поступить на геологический факультет, там был недобор. Я с удовольствием пошла и выбрала для себя гидрогеологию. Заканчивала уже первый курс, успешно сдала все эквамены за исключением математики (с которой у меня всю жизнь были нелады!). Когда я сдавала эквамены по геологии, то

я была удостоена высокой похвалы супругов Рухиных, которые преподавали в это время, и предложили мне записаться в кружок под их руководством для подготовки к научной деятельности. В то время был утвержден "Сталинский план преобразования природы" и создание гослесполосы гора Вишневая - Каспийское море. И вот на геологический факультет приходит А.А. Завалишин с целью набора студентов для специализации по почвоведению. Он так увлеченно говорил об этой науке, что я оказалась в числе желающих быть почвоведом. Таким образом, волею судьбы я вернулась на биологический факультет, вернее - биолого-почвенный.

Училась я увлеченно и легко. Меня не угнетало множество предметов, которыми нас "насыщали". Это были различные геологические дисциплины, общая биология, воология, микробиология, химия органическая, неорганическая и коллоидная, климатология и прочие.

Разные предметы воспринимались по разному, но азы, полученные по этим наукам очень помогли мне в дальнейшем. Одним из любимых предметов была для меня почвенная микробиология. Я даже сделала робкую попытку перейти с кафедры географии почв на микробиологию, но то ли настойчивости не проявила, то ли убедили меня доводы Александра Александровича, что география почв более творческая специальность. Так или иначе Александр Александрович обратил на меня внимание и после окончания университета рекомендовал меня и Аллу Ромейко в аспирантуру. Мне предстоял конкурс с моей ближайшей подругой, так как место было одно, и она мне его уступила. В конце первого года обучения в аспирантуре я ждала ребенка. На кафедре все преподаватели знали об этом, за исключением Александра Александровича. Его я боялась поставить в известность, так как рождение ребенка чревато невыполнением аспирантской подготовки.

И когда, осмелившись, я объявила Александру Александровичу об этом, он встретил мое признание с пониманием, сказав, что "в рождении детей - прямое назначение женщин и ни с чем не сравнимая радость". Сразу отлегло от души.

Сдавала свой последний экзамен кандидатского минимума по специальности на 11 месяце беременности. Принимали у меня экзамены А.Ф. Цыганенко, В.Н. Симаков и А.А. Завалишин. Казалось комиссия волновалась больше, чем я, и Александр Александрович на ответы на все вопросы приговаривал: "Очень хорошо, очень хорошо!"

Спустя год была экспедиция в Вологодскую область. Там в это время велись большие работы Музеем почвоведения. И Александр Александрович, как его научный руководитель, был в разных отрядах. Мне была дана большая самостоятельность. Я выполняла по договору с колхозом "Серп и молот" почвенную съемку, одновременно собирая материал для диссертации. Изучала я почвы на покровных суглинках, подстилаемых мореной. Приходилось делать глубокое бурение. Мне на помощь приехал Дима - мой муж. Сначала он выкапывал разрез около 2 метров, а затем следовало бурение. Это была трудная процедура, так как бур с трудом погружался в толшу вязкого и плотного покровного суглинка. Я ложилась на перекладину бура, а Дима его вращал вместе с моей массой, в то время правда еще небольшой.

А.В. Барановская на стационаре "отрадное" изучала динамику почвенных процессов. Она была очень увлеченным почвоведом, работала самозабвенно. Я часто к ней наведывалась и у нас с ней были очень добрые отношения. У нее я всегда находила ответы на те вопросы, которые мне казалось неудобным задавать Александру Александровичу, чтобы не показать свою неосведомленность.

Во время приезда Александра Александровича была организована экскурсия для знакомства с почвенным покровом Вологодской области. Мне запомнились два эпизода из этой поездки. Заложили разрез, который имел очень сложное строение. Все очень долго молча смотрели на него, тыкали ножом и выходили из разреза. И вдруг Александр Александрович говорит: "Пожалуйста, Вера Павловна, опишите разрез и расскажите о всех процессах, которые его формируют". Почва была на двучленном наносе с контактным оподзоливанием, наряду с поверхностным. Когда я рассказала все, что могла, Александр Александрович сказал, что он за меня спокоен, почвовед из меня уже получился.

И еще второй случай, вернее жизненный урок. Приехав в г. Тотьма, мы пошли на пристань за своим грузом. Закончив все дела, мы решили подкрепиться, и только после этого зашли доложить Александру Александровичу и узнать о дальнейших планах. Мы пришли сытые и довольные. А он говорит, что, к сожалению, уже поздно, негде поесть, придется поголодать, так как пищи с собой у нас никакой не было. Мы переглянулись и вынуждены были признаться, что уже поели. На что Александр Александрович сказал, что он ждал нас и не мог без нас пойти в столовую. Мне было стыдно. И я до конца своей творческой жизни поняла, что экспедиция – это единый коллектив, и думать надо не только о себе, но и о других.

Александр Александрович не был "дотошным" руководителем, то есть не держал нас под постоянным контролем. В то время у него было трое аспирантов: Т.А. Рожнова, я и Д.М. Андреева. Татьяна Андреевна Рожнова была особо преуспевающей, о ее успехах писали университетские газеты, хвалили на заседаниях кафедры. В те годы она мне казалась совсем недоступной и прежде всего потому, что

она была много меня старше и авторитетнее. Может быть это в какой-то мере стимулировало нас с Диной (она поступила в аспирантуру на год поже меня), и мы стремились к "совершенствованию".

Т.А. Рожнова успешно защитила диссертацию и стала научным сотрудником Музея почвоведения. Она была удивительным лектором, создателем оригинальных музейных экспозиций. Надо заметить, что Александр Александрович считал обязательным для своих аспирантов практику экскурсовода в музее. Я довольно длительное время работала экскурсоводом и даже получала какую-то небольшую зарплату. Но главное, что я получила опыт общения с аудиторией и новые знания. И позднее, когда я проходила педагогическую практику, как аспирантка ЛГУ, мои лекторские способности доценты А.А. Хантулев и А.Ф. Цыганенко оценили как незаурядные.

В мужее я бывала очень часто, туда нас всегда приглашал Александр Александрович на заседания Ученого совета. В то время там работали замечательные ученые, но очень своеобразные личности, с которыми всегда надо было "держать ухо востро", как В.В. Пономарева и Т.В. Аристовская. Проводил заседания Ученых советов Александр Александрович, как научный руководитель. В этой роли он был блистателен, умен и корректен, объективно критичен.

Директором Музея в то время была З.Ю. Шокальская. Внешне это была очень строгая и даже суровая женщина. Высокая, худощавая, с крупными чертами лица. Она всегда носила длинные юбки или платья, преимущественно черного цвета. Ее аккуратность подчеркивали белоснежные воротнички и кружева, необыкновенно красивые, очевидно старинные. В ней было что-то от классной дамы и во мне она вызывала какой-то страх и трепет. Тем не менее, когда мы с ней встре-

чались, она всегда была приветлива, а в ее улыбке (улыбалась она редко) было что-то непосредственное, наивное.

3.Ю. была достаточно авторитетна в Музее, вела большую организационную работу. Ей удавалось объединить творческих, влюбленных в свое дело людей. В это время там работали находящиеся уже тогда в зените славы А.А. Завалишин, В.В. Пономарева, П.В. Аристовская. И.Н. Соколов, превосходные почвоведы-географы: Б.В. Надеждин, Л.В. Барановская, О.В. Бутузова, Т.А. Рожнова, М.Е. Чекалова и др.

В Музей съезжались почвоведы из разных уголков страны за консультациями, советами или желанием объединить усилия в совместных работах. В то время я познакомилась с И.В. Забоевой, которая по просьбе А.А. Завалишина предоставила мне образцы подзолистых почв на покровных суглинках северо-востока Русской равнины для моей диссертации. В дальнейшем у нас с ней сложились добрые отношения, но сугубо профессиональные. Я ей благодарна за многочисленные приглашения на совещания в Сыктывкар, за участие в почвенных экскурсиях, посещение стационара. Встречалась с ней неоднократно в Свердловске, в Москве. Она была почитаемым человеком, директором института, с выраженным национальным самомнением. По моей рекомендации перешел к ней мой бывший аспирант В.В. Канев, коми - национальности, которого она приняла с распростертыми объятиями, сказав при этом, что будет еще человек, с которым можно поговорить на родном языке.

В какой-то мере разъединяло нас разное отношение к И.Б. Арчеговой. Для меня она была близким и дорогим человеком, как выпускница Ленинградского университета. Инна - умный творческий, теоретически хорошо подкованный почвовед, имевший всегда свое мнение. Она часто вступала в "дискуссии" с зав. лабораторией, а потом и директором И.В. Забоевой и попала к ней в немилость. Долгие годы Инне Борисовне не удавалось "пробиться" в старшие сотрудники, ну и на пенсию ушла "по звонку". Правда, в дальнейшем она, как специалист по почвам тундры, нашла себя в хоздоговорных работах.

Волее того в 1995 году в весьма солидном возрасте она успешно защитила докторскую диссертацию. Она человек огромной силы воли, неиссякаемой энергии и незаурядных организационных способностей. Она в значительной степени "взвалила на свои плечи" организацию и проведение III Международной конференции "Освоение Севера и проблемы рекультивации", которая прошла в С.-Петербурге в 1996 году. По ее личному приглашению приняла участие и наша лаборатория - В.С. Дедков непосредственно с докладом, я, в соавторстве с Е.В. Прокопович и Ф.Г. Гафуровым, опубликовали тезисы "Особенности формирования гумусовых веществ в пойменных почвах Крайнего Севера". Я очень ценю дружбу с Инной, люблю получать от нее письма, в которых всегда есть философские рассуждения о науке и о жизни.

Слава И.В. Забоевой ушла вместе с директорством. Несмотря на то, что она была единственным доктором почвоведом в Коми, своей школы она не создала. Почему-то она предпочитала кадры молодых ученых растить не под собственным руководством, а, преимущественно, с помощью москвичей. В формировании ее как ученого большую роль сыграли Е.Н. Иванова и А.А. Завалишин. И надо сказать, что она вспоминала их с благодарностью. В то время, когда Ия Васильевна была частым гостем Музея, я была свидетельницей с какой тщательностью (как это умел только Александр Александрович) они обсуждали полученные ею аналитические данные.

Я не берусь судить о деятельности Музея на разных этапах его развития, тем не менее мне представляется, что 60-е годы были периодом его расцвета. Была обновлена, а правильнее сказать, создана заново экспозиция, оформлены новые красочные природные диарамы, изданы 3 сборника трудов, более 20 п.л. каждый, проводилась активная экскурсионная работа.

Позднее в каждый свой приезд в Ленинград я неприменно заходила в Музей, где всегда чувствовала сердечный прием и внимание со стороны В.В. Пономаревой, Т.А. Плотниковой.

Музей для меня был ближе, чем кафедра почвоведения универси-После смерти А.А. Хантулева и А.Ф. Цыганенко там стало тета. Женское "засилие" сыграло неблаговидную роль очень неуютно. так и на взаимоотношениях в коллективе. на положении кафедры, Придя совсем юными на кафедру они (Счастная, Матинян, Гагарина) не знали, что такое преемственность, что без истории кафедры нет ее настоящего и будущего. Всю энергию они посвятили борьбе свое "самоопределение". Я тоже оказалась в числе их врагов, как поддерживала отношения с Ю.С. Толчельниковым (ненавистным им зав. кафедрой), моим соучеником, с которым еще в студенческие годы приобщались к своей профессии в экспедициях в Казахстане. Крово мне (не без основания) они видели одного из претенме дентов на заведование кафедрой. Потеряв в этой борьбе чувство меры, они даже не пригласили меня на юбилей кафедры.

Вообще Музей для меня был священным. Мне безумно нравились его помещения с высокими сводами, огромными окнами, из которых открывались виды на Неву, Петропавловскую крепость, Стрелку Васильевского острова, Зимний дворец и очаровывали многочисленные диарамы, монолиты так красочно и искусно смонтированные. Короче в

музее попадаешь в "царство почв" и невольно приходит на память изречение Александра Александровича Завалишина: "Нет профиля прекраснее, чем почвенный".

После смерти 3.0. Шокальской директора Музея "менялись как перчатки". И вот наконец нашелся достойный человек - Б.Ф. Апарин. Он вновь оживил работу в Музее, сплотил коллектив. Но, к сожалению, корифеев там уже не стало.

Б.Ф. Апарин был самым активным организатором проведения юбилея 100-летия выхода в свет докучаевского "Русского чернозема". Была организована интересная выставка. Я в дар Музею передала почвенный "монолит", смонтированный из уральских камней, соответствующих по цвету разным генетическим горизонтам, и книжку из камня, на которой было выгравировано "Русский чернозем". Но, увы, эти мои подарки кто-то похитил из Музея. В Музее состоялся праздничный банкет, звучали изумительные воспоминания. Милая моему сердцу Т.А. Рожнова прочитала свои стихи, посвященные этой дате. Один рукописный экземпляр она подарила мне, и я их с удовольствием здесь помещаю.

Диссертация писалась трудно, не было опыта. И, когда после долгих моих усилий, я представила первую главу своей диссертации и получила ее в исправленном виде, то первое чувство, которое у меня появилось — больше писать не стоит. Короче там было трудно узнать свой текст, среди того, что было написано между строк Александром Александровичем. Но ни слова упрека, что я написала плохо. Напротив, он, как бы извиняясь, сказал, что почерк у него очень неразборчивый, "поэтому Вам придется трудновато".

В это время я часто бывала у Александра Александровича дома. Его жена, Ольга Эрнестовна, была очень приветливой, но не очень

Средь Докугаевских идей Одих - в псивом зделе вой гощены, бе реальным предсавленыйуещеральный Логвенный музей.

Ojkphija glepe-hepelingün hopoz,

Ojkphija glepe-hepelingün hopoz,

Myzen ojkphij Haben przy beer Jopoz.

Bhpoejophin zanax gpohnhie cugemb

Konnekgun horl, makejot epkhy przg

Jiokashilari, norb mpoejpangtennhie cmehn,

O pzeckom norlanom Sorajente rotopej.

Apamijene horb u cosupajene use
Mysea b eloem pasbuju g octur
3 narenose Ospanijene horendybe
Magku norlennoù, ce u seù,
Jipakjuruxux ux bulosob u endezhi
Of Dokyraela go uniqux g uci,
U hezerunoù upoù ransoù snavuñ
Oh 32 lynus unpowe upusunube.

B Gorgne trajen, & of of of on,

13 Myseinax 3 arase 3 animena ozan.

hy cog besperaes u uputejenstyes rocjen,

Jipushi bun to Nemayoy na tobucei.

Bohya nam rocz, u ospaja cloi bosp

ha um to organcho y beoda.

Jipucujuance k croben negopu, zo spoduj

oj escusa k croben negopu, zo spoduj

oj escusa k cjusy, geras ossop

Jipospanes u bemen garera okchidugun,

u pytence nayra, u oj kytjui
Jioro, zo sypnin 643 laro pacylej

kayra Gorbennoù bero 3a cojuo seg.

U not koney - Siarociola lei gou U namezo Kuyre, Pyeckus ripusser".

hour -

разговорчивой женщиной. Всегда угостит чаем, за которым разговор шел в основном вокруг детей. У них их было трое. Но старшего я никогда не видела. Средний, Саша, был копия Александра Александровича, и он обучал его светским манерам - здоровался он, щелкнув каблуком и низко наклонив голову. Всеобщей любимицей была дочь Татьяна, которая была чуть постарше моей Ольги. Ей я часто приносила в подарок сказки и читала их, что приводило Александра Александровича в умиление. Позднее она стала почвоведом. Полевой сбор материала на дипломную работу проводила на Южном Урале, куда выезжала с сотрудниками нашей лаборатории.

И вот наконец защита диссертации! Александр Александрович тщательно выправил текст моего доклада, ответы оппонентам, это старательно выучила почти наизусть. Но во время доклада я отказалась от составленного текста, поскольку защищавшаяся передо мной аспирантка Петрова (почвенный микробиолог) делала доклад, не заглядывая в текст. Мне не хотелось выглядеть хуже, чем она. первый момент, когда я взглянула на Александра Александровича, он был растерян, но постепенно успокоился. Когда я села на место, вдруг получаю записку на клочке бумаги, которую храню до сих пор и помещаю вдесь. В ней он писал, что я - молодец, что отошла от старого текста, что хорошо ответила оппонентам и, что самое главное, я оправдала его надежды. Когда объявили регультаты голосования - единогласно, моей радости не было предела. Мне казалось, прекрасно сознавая, что этой "полет" мне что я витала в облаках, обеспечил Александр Александрович. Вечером мы с Диной Андреевой купили корзину цветов и приехали домой к Александру Александрови-Беседа затянулась. Александр Александрович много рассказывал о своей жизни, встречах с известными почвоведами, об экспедициях.

13. Vi. graf colord 3 per cuazaine, rues b war powor for mente upanor por mente operan recese careuntil! Mas incoren o grysolven control,

Ma uncall o

gryschouncertal, a

He or of eather

Pecchia currental

Lording currental

Lording currental

mining made out ha,

which places services

klam Mondoes!!

The works restricted

much lefents l

pro, there zero zero zero;

Sea who ols ma in service and receolod one certipo, and (ical relation that the paparament.

Har refloto cemeka

before!

Повднее мы с Диной, вспоминая этот вечер, считали, что нам с ней очень повезло. Мало кто знал Александра Александровича таким раскованным, радостным, непринужденным. Мы были его последними ученицами. Дина защищала диссертацию уже после его смерти. Я была в то время в Свердловске. Телеграммой о смерти Александра Александровича известила меня Татьяна Андреевна Рожнова — пожалуй самая благодарная его ученица. Позднее по ее инициативе была издана книга работ Александра Александровича. В нее вошли и материалы моей диссертации. Она прислала мне письмо с просьбой подтвердить мое согласие не претендовать на соавторство. На что я, конечно, согласилась, так как знала, что без Александра Александровича я бы эту работу не выполнила. В разделе, где излагались мои материалы, была дана сноска, что они получены аспиранткой В.П. Фирсовой под руководством Александра Александровича. И мне казалось это так почетно!

Смерть Александра Александровича была для меня большим потрясением. Он умер на 56 году жизни. Я отправила длинную телеграмму соболезнования. А на следующий день, когда пришла на работу я рассказала Б.П. Колесникову о постигшем несчастье. Он предложил мне на Ученом совете, который состоялся в тот день, рассказать о своем учителе и почтить его память. Председательствовал Станислав Семенович Шварц. Я попросила слова, но говорить практически не могла. Было однако всем ясно, что ушел из жизни большой ученый, хороший человек.

Кстати, и на работу в Институт биологии я была принята благодаря А.А. Завалишину. Перед отъездом в Свердловск я пришла в Музей попрощаться. В кабинете у Александра Александровича оказался Ю.А. Ливеровский. И вот Александр Александрович, обращаясь к Ливеровскому, говорит: "Моя талантливая ученица (так и сказал!) едет в Свердловск. Нет ли у тебя там знакомых, чтобы обеспечить ей интересную работу?" И Ю.А. Ливеровский, как маг, достает лист бумаги и пишет письмо своему другу, с которым долгое время работал на Дальнем Востоке, Колесникову Борису Павловичу. Итак, Ю.А. Ливеровский стал крестным отцом на моем научном пути на Урале.

Мне приходилось с ним позднее неоднократно встречаться на разных совещаниях, конференциях. Меня восхищала широта его натуры, многогранность его интересов и способностей. Кроме всего прочено он был поэт, стихи которого печатались в солидных журналах. Знакома я была и с его женой, которая была много его моложе. Если чего и достигла она в науке, то благодаря Ю.А. Ливеровскому, но, как иногда бывает, она не оценила его.

Колесников Борис Павлович

С 1956 года начался новый этап в моей научной жизни и первым руководителем на этом пути был Б.П. Колесников. Он принял рекомендательное письмо Ю.А. Ливеровского с большой ответственностью и сразу зачислил меня на работу в лабораторию лесоведения. В это время в институте, если так можно выразиться, был разброд. Большая часть института, в том числе и руководимая Б.А. Лебедевым лаборатория почвоведения, в 1955 году была переведена в во вновы созданный УралНИИСХоз. Из бывшего состава лаборатории почвоведения остались лаборанты А.Г. Киршина и Р.А. Повадырь и мойщица посуды С.И. Полякова - это была, так называемая, аналитическая группа. И вот во главе ее Б.П. Колесников поставил меня. Естественно, что никаких собственных материалов у меня в то время не было и я готова была взяться за любую работу. Б.П. Колесников предложил мне заняться изучением влияния лесных пожаров на почвы, и я охотно согласилась. Для начала требовалось обобщить имеющийся в литературе опыт. Занимались изучением этого вопроса преимущественно за рубежом, и я с головой ушла в переводы иностранной литературы. По завершении этой работы ее результаты я доложила на лабораторном заседании и изложила в виде статьи.

После этого Б.П. Колесников предложил мне разработать программу работы по теме с учетом имеющегося новейшего опыта. Для обсуждения ее он рекомендовал поехать в Ленинград, Москву и Архангельск. В Ленинграде в то время работал крупнейший ботаник Александр, который в 30-е годы опубликовал интересную статью по этому вопросу. Он очень любезно меня принял в ЛГУ, но сказал,

Б. П. Колесников

что для серьезного разговора здесь у него нет времени и предложил зайти домой.

Его кабинет был поистине профессорский: огромный, прекрасная мебель и библиотека, которую казалось не окинуть взором. В кабинет вошла жена, тоже ботаник, подала чай, но в разговоре не участвовала. Программу профессор одобрил и был очень обрадован тем, что помнят и знают его ранние работы.

В Архангельске Институтом леса в то время руководил академик И.С. Мелехов, а по интересующей меня проблеме там успешно работали супруги Арфанитские. Обсуждение программы проходило на ученом совете, где пришлось мне довольно туго, так как лесоводственная сторона вопроса мне была еще плохо знакома. Мне любезно были предоставлены отчеты лаборатории лесного почвоведения по этому вопросу. В МГУ встречалась с профессором Н.П. Ремезовым. Все это и позволило мне быть обстоятельно подготовленной к новой теме, а Борис Павлович видел в ней мою докторскую диссертацию.

По материалам проведенных нами исследований была защищена кандидатская диссертация З.Н. Арефьевой. Она была принята в лабораторию во время моего декретного отпуска, работала по моей программе и я фактически была ее научным руководителем. Однако она предпочла выбрать себе в руководители Б.В. Надеждина из лесотехнической академии Ленинграда, который никакого отношения к этой проблеме никогда не имел, но он был доктором, профессором. Материалы по авотному режиму почв, подвергшихся влиянию лесных пожаров она опубликовала с Б.П. Колесниковым. З.Н. Арефьева по натуре была человеком высокого самомнения, которое граничило с высокомерием, а порой с бесцеремонностью. Например, без всякой ссылки на

меня она включила в свою диссертация сделанный мною обзор иностранной литературы по влиянию огня на почвы. Что касается Бориса Павловича, то ему ничто человеческое было не чуждо. Он ей симпатизировал и иногда пасовал перед ее напористостью. Лично он обратился к С.В. Зонну быть оппонентом диссертации З.Н. Арефьевой. Защита прошла успешно. Позднее, когда наша лаборатория отделилась от лаборатории лесоведения, она осталась работать с Борисом Павловичем, выполняя его задания по обследованию почв Висимского заповедника, в Тавдинском районе, в Ханты-Мансийском АО и опубликовала ряд статей. С уходом Бориса Павловича ее научная карьера фактически закончилась. Она переехала в Пермь и некоторое время работала на ЛОС.

Что касается моей работы над этой темой, то полученные данные были включены в одну из глав моей докторской диссертации и опубликованы в нескольких статьях. Г.А. Кулай и Г.С. Хреновой на моих опытных участках было проведено изучение влияния огневых очисток лесосек на микробиологическую и ферментную активность почв. Наши комплексные работы по влиянию огня на свойства почв известны за рубежом и вошли в мировой каталог исследований по этой проблеме. Воздействие естественных и антропогенных лесных пожаров на природную среду масштабно было оценено в превосходных докторских диссертациях А.П. Сапожникова И С.А. Санникова. Мечта Бориса Павловича в конце концов сбылась!

С Б. П. Колесниковым было интересно работать, так как он не только умел заразить своей идеей, но и ценить инициативу. Он требовал решения вопросов на высоком научном уровне и не случайно так тщательно подготавливалась работа по предложенной мне теме. Самым удивительным и достойным восхищения было то, что Борис Пав-

Б. П. Колесников, В. П. Фирсова

лович, будучи лесоведом по образованию и научному призванию, не замыкался рамками своей любимой науки. Он видел и чувствовал ее широкую перспективу и создавал школу естествоиспытателей. Он любил не только повторять, но и следовать словам Г.Ф. Морозова: "лес - явление географическое", а потому должен быть комплексный всесторонний подход к его изучению. Он "набрал целую армию" аспирантов широкого круга специальностей: лесное почвоведение, почвенная микробиология, физиология растений, энтомология, климатология, болотоведение, гидрология, дендрохронология. Руководили многими из принятых аспирантов выдающиеся ученые, среди которых были Мишустин, Пьявченко, Зонн, Молчанов, Пономарева и др.

Все эти великие люди были на расстоянии, и аспиранты, вне зависимости от специальности, в основном общались с Борисом Павловичем. Молодежь к нему влекла широкая эрудиция, неординарность личности, но главное, что он уважал и ценил то, чем каждый из них занимался. Многие из его учеников и последователей в дальнейшем оказались талантливыми учеными, получившими широкое признание.

Хотелось бы назвать в этой связи Ю.И. Новоженова. Многих удивило, что Борис Павлович, член партии, рекомендовал его, исключенного из комсомола "за вольнодумство", в аспирантуру. В те годы это было чревато ..., но Борис Павлович видел в Ю.И. Новоженове прежде всего ученого и он не ошибся.

И вообще Борис Павлович был человеком решительным и смелым и требовал этого от других. Когда он считал, что я "созрела" быть старшим научным сотрудником и предложил мне срочно подать документы, я колебалась, считая, что мне нужно еще кое-что опубликовать, а Борис Павлович спрашивает: "Когда Вы заходите в воду, долго топчитесь на берегу?". Я ответила утвердительно и в ответ я

услышала: "Это и видно", и он резко повернулся и ушел. А я срочно начала готовить необходимую документацию для представления к званию старшего научного сотрудника (тогда нужно было сначала иметь звание, а потом должность).

По его настоянию я, совсем молодой "неоперившийся" кандидат наук наук (это было в 1956 году!) была включена в комиссию по приему вступительных экзаменов в аспирантуру по почвоведению у Ю.Д. Абатурова, который готовился для Ильменского заповедника. Мои аргументы, что я к этому еще не готова, он не принял, сказав, что когда-то нужно привыкать.

В дальнейшем я принимала у Ю.Д. Абатурова кандидатский экзамен по специальности, сопровождала по его объектам исследований в Ильменском заповеднике С.В. Зонна. А затем была оппонентом кандидатской диссертации Ю.Д. Абатурова. И все это по настоянию и рекомендации Бориса Павловича Колесникова. Это была своеобразная школа, которая позволила мне, да и многим другим, обрести определенную научную смелость и уверенность в себе.

Идеи Б.П. Колесникова генетической классификации типов леса с пониманием восприняли уральские лесотипологи и приложили немало усилий для внедрения ее на Урале. Самовабвенно в этом направлении работали Р.С. Зубарева, Е.М. Фильрозе, Е.П. Смолоногов. Для обоснования некоторых положений классификации лесов необходимы были почвенные исследования, поэтому на почвоведов в то время был очень большой спрос. Наиболее плодотворным и тесным был у меня контакт с Региной Степановной Зубаревой. Однако участвовала я и в очень интересных экспедициях с Е.П. Смолоноговым и Е.М. Фильрове. И я всем им очень благодарна за то, что они не только передали мне частицу своей любви к лесу, но и научили полнее понимать вза-

имосвязь леса и почвы. Несомненно и мои знания почв, мой опыт работы в почвоведении был им полезен.

Широкий географический диапазон исследований позволил мне по новому взглянуть на почвы Урала. Я поняла, что старые мои привязанности и интересы в области географии и генезиса почв берут верх. Особое мое внимание привлекли почвы, не имеющие признаков оподволивания. Нужно было не только иметь новый большой фактический материал об этих почвах, но и определенную научную смелость (которую я обрела благодаря Борису Павловичу), чтобы пересмотреть сложившиеся представления о горных почвах Урала таких выдающихся ученых как Е.Н. Иванова, Н.А. Ногина, К.П. Богатырев. Итак, получили "право на существование" бурые лесные почвы на Урале.

В экспедициях с Борисом Павловичем я была дважды. Красноуфимском районе, другой - в Талицком (Припышминские боры). Запомнилась его удивительная тренированность, выносливость и непритязательность ко всему. Он, как "горный козел" преодолевал любые горные склоны, а мы с Региной Степановной Зубаревой пыхтели и с трудом тащились за ним. Р.С. Зубареву, считавшую себя "бывалым" это очень смущало и, чтобы не показать свою слабость, она говорила мне: "Скажи Борису Павловичу, что здесь надо посмотреть почву". И, пока копали разрез и описывали его, мы с ней приходили в себя. И так бывало неоднократно! Для Бориса Павловича полевые условия были его стихией. Ему было безразлично что есть, где спать, как одеваться. Обязательными его атрибутами были палка-посох и темный тканевый шлем, который он привез с Дальнего Востока. Смотрелся он в нем забавно, но зато комары и прочие "кусачие" его не беспокоили. Заканчивали работу поздним вечером и

начиналось чаепитие. Борис Павлович пил всегда только крепкий свежеваваренный чай. Однажды он предложил выпить с ним чая, спросив при этом пью ли я такой крепкий. Я небрежно ответила, что мне, мол, все-равно. А потом я всю ночь напролет не сомкнула глав и слушала кто как спит, а Борис Павлович тем временем сладко спал и похрапывал, а иногда вздыхал и стонал. Я же для себя сделала вывод, что "чафирить" мне нельзя.

Со временем его кипучей деятельности рамки даборатории стади тесными. Поэтому много сил он отдавал природоохранительной деятельности, а затем начался университетский период работы - ректор Университета, заведующий вновь созданной кафедры. Справедливости ради нужно сказать, что, если его организационный талант здесь был востребованным, то преподавательская работа оказалась не по нему. По его приглашению я да и многие наши сотрудники читали тогда лекции в университете, и мне неоднократно приходилось слышать недовольство студентов его лекциями. Вероятно, и сам он это понимал, и, может быть, одной из причин его отъезда в Крым было чувство неудовлетворенности. Несомненно отъезд туда был его роковой ошибкой. Ему приходилось для чтения лекций мотаться из Алушты в Симферополь. Если на Урале он был почитаемым человеком, то там он был мало известен. Мне довелось встречаться с Борисом Павловичем в Алуште, когда мы были с отрядом в экспедиции по сбору материала по бурым почвам Крыма. Как он был обрадован нашей встрече! Он бегал по саду, срывая разные фрукты, предлагал "продегустировать" разные сорта винограда и персиков. Что касается их жилища, то оно напоминало какую-то неухоженную саклю.

Когда Галина Александровна (его жена) говорила о том, что как хорошо им живется в этом благодатном краю, я взглянула на Бориса Павловича и уловила на его лице задумчивость и грусть. Он интересовался моими планами и вообще жизнью наших общих знакомых из Свердловска. Позже мы изредка переписывались. По выходе в свет моей монографии "Почвы таежной зоны Урала и Зауралья" я отправила ее Борису Павловичу со словами благодарности за содействие в выполнении работы. Он прислал мне письмо, в котором не только дал ей высокую оценку, но и высказал критические замечания и советы. Сохранилось у меня и другое письмо, написанное, вернее напечатанное, так как к тому времени он уже болел и плохо владел рукой, в 1980 году в ответ на посланный ему Сборник трудов лаборатории "Особенности горного почвообразования под пологом лесов".

В 1982 году, когда я по приглашению Хохрина, уральца, переехавшего на работу в Никитский ботанический сад, отдыхала на изумительной уютной базе отдыха ученых, я посетила могилу Бориса Павловича. Его тело покоится на склоне Крымских гор с превосходным обозрением окрестностей. К тому времени был уже воздвигнут (не без участия уральцев) с теплым посвящением на надгробии. Как знать, будь он на Урале, могли бы вовремя оказать ему помощь и продлить жизнь этому замечательному ученому и человеку.

В 1996 году в день рождения Бориса Павловича я была приглашена Ю.М. Алесенковым (кстати отметившим одновременно свое 50-летие) в Институт леса. Это был день приятных воспоминаний, с которыми поделилась и я. С годами становлюсь все более эмоциональной, часто дрожал мой голос и наворачивались слезы не только у меня но и у некоторых сидящих в зале, знавших Бориса Павловича, женщин.

Много памятных теплых слов прозвучало из уст С.А. Мамаева, Е.П. Смолоногова, Е.М. Фильрозе, А.Н. Санникова, В.И. Маковского и др. Когда я в доверительной беседе сказала, что все мы в те го-

how put never lasme som so oralectuone ste (m. c An one my interior you you getweept in restent Mymed umun h mon there medeleded, wentern We star cut from own rum in stee sauges, one the he u municipus misteriore, itumopus a rangua Bosom selector Deum seming as et by a lopany humani

harmen I while Gross dyping wpier - were be quementes (4 request lyerou) aprochesian unplum, seeuns mid year, buthon so granges umer square extramency of my (house ity) לברנית בי לי לבו משתמלת חיים אוכילנוף מום מי Muncethunes Haus woundingers 1969 . Er um no we לניהותונה אומנג המיניות בם קמש מוצי אוזני מת when, when a souther reponent grange allered mater hoya or Urays shounguistally. In wowers ogen, douge. UK MORKI Modek, M. K. Holle A. K. yindrad Home miles weund bout Spice a layporde, moure o Chiech's is Apricaing Nowed younger wormsprogue

Abyunge Unybenessus Unybenessus

260 47

genown immers a com unant to bomme Gracis hywhoth, padrumus ognuelo - milio uniones. זמ אנות ות מה משה מו הבתווו ויונים מו כלימו when were mot a squimbore appear Xula it ingrica conscension aprese dyna Entalled, a recurred contain Egypunocities land " Chesia huper to electe to dem preside offile. seem. In Kuncelleur in check purysenicon where ex Pi hylque commence & che cour, gu gom we calimnet use work and my the i The soc set. Wensen - lement ne men Gredium Grew - "Ousdans ower u merenum Oxewer System or Pressons 5710-600 in while in monded befor opugude Saspares a leconorum holochappy enen pura cour, me umu. Brushow wedsexpayed - humeribu uzzupupodow hu ninns.

U. myrembs Br n comprenen P saraw zenus no Cycle mankful have, up savire makelelem, ne ypare ne nolun sian en prestumus As sons, Human, injustes repopulars, he la six would прикленуться к этому выштец и рискины Ohn A colem no news. Mars, m. 16 he i, puckingur , organizationed neurosous Torkin sameramen in motory dypter over. Now wee! Meson here wolk yenerol!

Kummmy

30.03.80 Алушта

Глубокоуважаемая Вера Павловна!

Почти год назад получил от Вас сборник работ
Вамей лаборатории о горных бурых летсных почвах.
Не так случилось ,что прочел ей внимательно
только сейчас. Прому извинить меня за столь
запоздалый отклик.

Сберник этет несемненне удачен и интересен. Пездравляю с еге публикацией. Жаль тельке, чте Вы не дали к не му предислевия или введней обебщающей статьи е бурых герне-лесных печвах герных ебласвей СССр. Впречем ,межет быть Вы разрештите высказать надежду, чте такее введение или статья пеявятся в ближай мем будущем.

С наилучшими пожеланиями

. П снлаю сберник /коллектив автерев/ е герных лесах СССР. Мея статья в сбернике пед-верглась секращению и ,вместе с ним, частичнему искажению. Не все же ,как мне кажется, ена межет иметь некетерый интерес.

MC.

ды были немножко влюблены в Бориса Павловича, то Елена Максимилиановна мне возразила: "О, если бы немножко!" Суть не в том больше или меньше, а в том, что это была чистая любовь к одаренному человеку. "рыцарю без страха и упрека".

А вот при жизни я как-то не припомню, чтобы широко отмечались его юбилеи. Вспоминается его 50-летие... В день его рождения мы сговорились, купили шампанское, конфеты. Я из дома по этому случаю принесла хрустальные фужеры. Пока он ходил на обед (а жил он в то время на территории ботсада), накрыли стол в его кабинете (тогда весь институт размещался в 2-этажном здании, позднее ставшим биофизическим корпусом) и его возвращение с обеденного перерыва встретили криками "ура!" с бокалами шампанского. Потом последовали теплые слова юбиляру и его благодарность за наше внимание. При этом он сказал: "Я смотрю, что это вы сегодня такие нарядные и красивые". На что последовал наш вопрос: "А разве Вы это когда-нибудь замечаете?" И он с улыбкой ответил: "Я не гляжу, а вижу!"

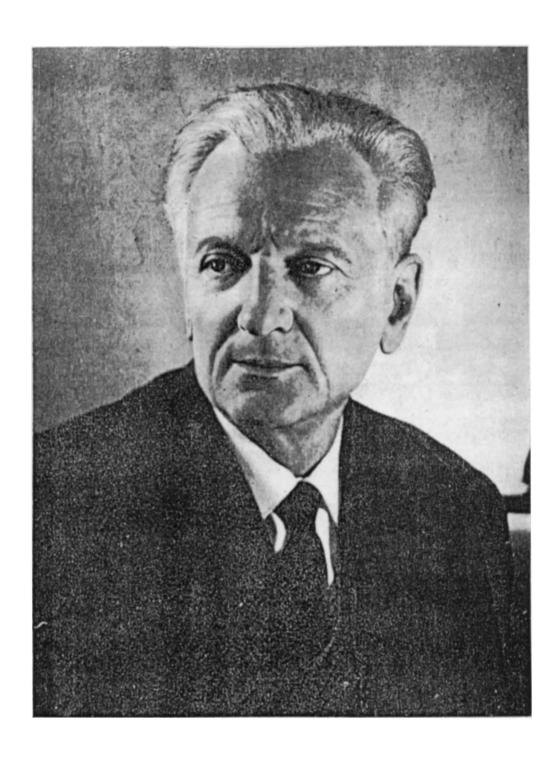
Невольно сейчас приходит в голову мысль — а почему никогда не собиралось настоящее застолье в его доме или в институте по поводу каких-то важных дат и событий в его жизни. Он был, как теперь говорят, трудоголиком, которому несомненно нужна была разрядка, правдник для души, простая житейская радость. Я глубоко убеждена, что положительные эмоции для любого человека, даже для Бориса Павловича, казалось бы, находящего забвение в научном творчестве, способствовали сохранению его здоровья, а, следовательно продолжительности его жизни. Во всяком случае, мне очень хотелось, чтобы судьба подарила бы Борису Павловичу более долгую жизнь!

Ковалев Роман Викторович

С Романом Викторовичем Ковалевым я познакомилась в 1962 году по приезде в Новосибирск на конференцию почвоведов Сибири и Дальнего востока. Институт почвоведения был еще тогда у истоков своего создания и располагался в здании Биологического института СО АН СССР.

В центре вестибюля стояла группа людей, среди них один отличался величием, статностью и необыкновенно красивой шевелюрой. Познакомившись, я узнала, что это и был Р.В. Ковалев, а с ним совсем юные И.М. Гаджиев и В.А. Хмелев. Конференция была органивована с большим размахом. По официальным документам в ее работе приняло участие 250 почвоведов и агрохимиков, а опубликованные тезисы докладов составили 45.7 п.л. Здесь были и корифеи (Горшенин, Кононова, Кауричев и др.), которые подводили итоги своим многолетним исследованиям, излагали свои новые теоретические концепции, и начинающие ученые, для которых столь представительная конференция была школой мысли и слова. Уже тогда оригинальностью и дерановенностью идей привлекли внимание И.А. Соколов и В.О. Таргульян. Эта конференция была необыкновенной школой общения. научных контактов, которые многие из участников пронесли через всю жизнь и благодарны судьбе, что когда-то такая конференция состоялась, а ее организатором и вдохновителем был незабвенный Р.В. Ковалев.

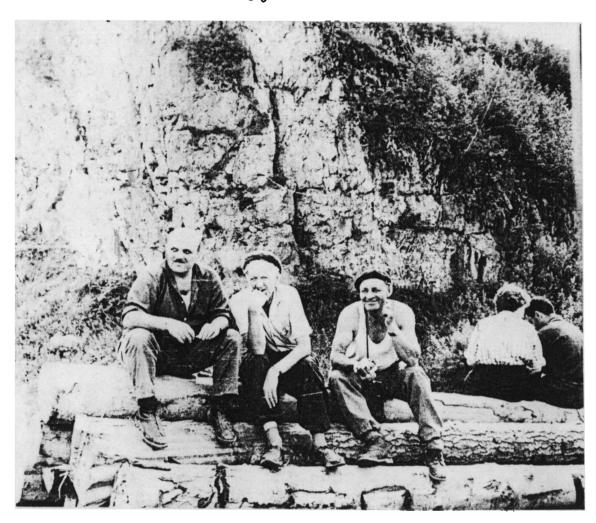
Для меня она тоже была знаменательным событием в научной деятельности. Мой доклад "Влияние вырубок на физико-химические свойства дерново-подзолистых почв Среднего Урала" вызвал большой интерес, особенно у Н. В. Орловского, возможно, актуальностью те-

Р. В. Ковалев

мы, "слабой" ее разработкой, а может быть умением представить ма-Так или иначе уже на следующей научной конференции по териал. лесному почвоведению в Красноярске в 1965 году Н.В. Орловский предложил мне сделать доклад на пленарном заседании. Позднее в предисловии к изданию книги "Лес и почва" (1968) Н.В. Орловский напишет: "...все опубликованные материалы свидетельствуют о большом объеме почвенно-обследовательских работ. ведущихся в последние годы по лесным районам Сибири и Урала (это о нас!), до того почти неизвестных в почвенном отношении..." и далее "...было признано наличие единого типа бурых лесных почв, охватывающего огромные территории на Карпатах, Кавказе, Урале, Тянь-Шане, Алтае, Саянах и на Дальнем Востоке". Урал в этом смысле называется впервые, и мне было приятно, что в представление о географии лесных почв внесена и моя скромная лепта. В этом сборнике специально дискуссионным проблемам буроземообразования было посвящено пять статей. И я горда тем, что моя фамилия стоит рядом с именами таких ученых как С.В. Зонн, И. Пелешек (Чехословакия), Т.Ф. Урушадзе, Т.А. Соколова.

На этой конференции и последовавшей за ней полевой экскурсии состоялась моя вторая встреча с Р.В. Ковалевым. Организатором ее был Орловский Н.В., крупнейший в те годы специалист в области лесного почвоведения, смелый, вольнолюбивый и своеобразный человек. Влагодаря его кипучей энергии, умению налаживать научные контакты, под сводами Института леса СО АН СССР собрались такие выдающиеся ученые как Н.Б. Вернандер, И.Н. Гоголев, С.В. Зонн, Р.В. Ковалев, В.В. Пономарева, П.П. Роговой, А.А. Роде и целая плеяда замечательных молодых почвоведов из разных концов нашей в то время большой страны, многие из который в дальнейшем стали

Красноярск, 1965 г.

Слева - направо: Урушадае Т. Ф., Ковалев Р. В., Гоголев И.Н.

докторами наук, руководителями различных рангов, самоотверженно и увлеченно работающими на трудной "ниве" почвоведения.

Н.В. Орловскому я обязана какому-то особому почтительному и трепетному отношению ко мне. В разные годы он называл меня то "уралочкой", то "хозяйкой Медной горы", предоставляя мне для докладов и дискуссий ответственную "трибуну".

Для участия в экскурсии Р.В. Ковалев приехал с большой группой сотрудников на машинах института. Для каждого из нас эта экскурсия была необыкновенной во всех отношениях - это радующие глаз
величавые сибирские просторы, чарующие леса, первые эдельвейсы в
моей жизни, разнообразие почв, а главное - незабываемое общение с
коллегами.

Так сложилось, что возвращалась я домой из этой поездки с группой новосибирцев. Дорога была не из легких. Приходилось "форсировать" реки на машинах, ехать по полотну железной дороги, ночевать где придется. И всем этим умело руководил Р.В. Ковалев. В трудных ситуациях он был строгим и сосредоточенным. Но когда, после очередного утомительного дня собирались у костра, да еще к нашей трапезе подавался таймень, выловленный И.Н. Гоголевым, и доставалось "кое-что" из чемодана Н.Г. Тарасашвили, Роман Викторович был неузнаваемым. Он представал перед нами как человек тонкого юмора, открытой души и необыкновенного обаяния, стиралась грань между крупным ученым и администратором и нами "младшенькими" сотрудниками, окружавшими его.

Его человеческие достоинства я еще больше оценила, когда по приезде в Новосибирск группа иногородних почвоведов, в том числе и я с Г.К. Ржанниковой, была приглашена к нему в гости. Меня поразило его необыкновенно теплое отношение к жене, очаровательной,

Красноярск, 1965 г.

Слева - направо: Гоголев И.Н., Ковалев Р. В., Арефъева Э. Н., Фирсова В. П., Ржанникова Г. Н. достойной своего мужа женщине, изумительной хозяйке. Надо иметь необыкновенное благородство и безмерно любить мужа, чтобы с таким радушием принимать у себя в доме иногда совсем незнакомых людей, в том числе и женщин. Судьба замечательных людей во многом бы не состоялась, если бы, например, рядом с Р.В. Ковалевым не была бы Екатерина Львовна, а с С.В. Зонном - Валентина Владимировна. Кстати дружба этих двух замечательных семей являет пример необыкновенного взаимопонимания и теплоты отношений, пронесенных чрез многие годы.

Р.В. Ковалеву была присуща забота не только о своих близких, но и о коллегах. Я ощутила это на себе, когда обратилась к нему по завершении диссертации оказать мне содействие в ее защите. Он написал: "...рассчитывайте на меня в любой роли - могу быть оппонентом, могу быть введенным в Ученый совет Вашего института для разовой защиты (такое предложение было от академика С.С. Шварца), либо обеспечу внешний отзыв, а лучше приезжайте к нам". Это письмо сохранилось у меня до сих пор. Позднее я поняла, что это был не только жест щедрого человека, относящегося ко мне с уважением, но и радость истинного ученого оказать содействие в становлении коллеги, и не только своего непосредственного ученика.

И защита состоялась в 1971 году на Ученом совете при Институте генетики и цитологии СО АН СССР. Большинство ученых совета были далеки от проблем почвоведения, и, может быть, именно поэтому Р.В. заботливо меня опекал. В.В. Пономарева, один из моих оппонентов, не смогла приехать в Новосибирск, что выяснилось всего за два дня до защиты. Р.В. понимал мое состояние и взял на себя хлопоты по организации еще одного отзыва. Четвертым оппонентом любезно согласился быть П.С. Панин, несомненно из большого уважения

к Р.В. и особого его авторитета. Чем дальше отодвигается это важное событие в моей жизни, тем оно становится значимее для меня и тем полнее понимаешь как много сделал Р.В. для многих из нас.

С тех пор Институт почвоведения СО стал для меня вторым домом. Здесь я бывала часто и с удовольствием в роли оппонента по приглашению Р.В., как председателя Ученого совета по защитам диссертаций. Была я и участником послеконгрессной международной экскурсии по Сибири. В ее организацию Р.В. вложил много сил и души, все было тщательно продумано до мелочей. Интереснейшие научные дискуссии проходили у почвенных разрезов, которыми руководил Р.В. Удалось увидеть и запомнить на всю жизнь то, что больше, к сожалению, уже никогда не повторится. Мысленно возвращаясь к тому времени, я думаю о Р.В. как о талантливом организаторе, бесконечно влюбленном в почвоведение, служению которому он посвятил всю свою жизнь.

Всегда, когда я бывала в институте, Р.В. меня приглашал поговорить о жизни. Он откинувшись садился в кабинете в свое кресло, как-то по особому скрестив дважды свои длинные худые ноги. Сколько не пыталась я так сделать - у меня не получалось! В эти незабываемые минуты мы говорили обо всем - о науке, о жизни, о семье. Знаю, что он остро переживал болезнь Екатерины Львовны, отъезд внука зарубеж. Мучали его трудности последних лет директорства и многое, многое другое. В таких доверительных беседах, где и я могла раскрыть свою душу, я все больше и больше понимала этого сложного человека, у которого за неприступностью и гордостью скрывалась легкая уязвимость и тонкая чувствительность его натуры.

Благодаря его энергии, эрудиции и дальновидности как директора, был создан в Сибири институт, который (не в обиду старому докучаевскому в Москве) стал более значимым в России. Институт получил новое здание. стал хорошо оснащенным, ну а самое главное он умело подобрал и воспитал кадры молодых ученых и перспективных людей, многие из которых защитили докторские диссертации, руководителями учреждений. создали новые направления в почввоведении. Некоторые считали, что Р.В. слишком строг к своим сотрудникам и долго их не "выпускает" на защиту докторских диссертаций. Ho P.B. хорошо знал своих учеников, их возможности, И. быть, поэтому был к ним очень требовательным. Это естественно. так как у хорошего учителя должны быть достойные ученики! щитах диссертаций, на которых мне случалось бывать, я всегда приходила в восторг от тщательности выполненных под его руководством работ, их теоретической насыщенности, доскональности решения проблем, убежденности и уверенности в своих результатах.

Последний раз я с ним встречалась в 1990 году в Новосибирске на защите диссертации моим аспирантом Ф.Г. Гафуровым. Одновременно с ним защищался и наш уральский почвовед из Уралгипрозема Р.К. Сигнаевский, который тоже нуждался в моей поддержке. Скажу без ложной скромности, что Р.В., да и многие сотрудники института относились ко мне с большим уважением, хочется сказать даже с любовью, и очень считались с моим мнением.

Это время было для Р.В. неспокойным. Только сейчас, когда передо мной стоит дилемма - освободить место зав. лаборатории, я по настоящему понимаю как это было ему нелегко. А молодежь, его ученики, торопили события, а отсюда возникало чувство обиды, отягощенное состоянием здоровья.

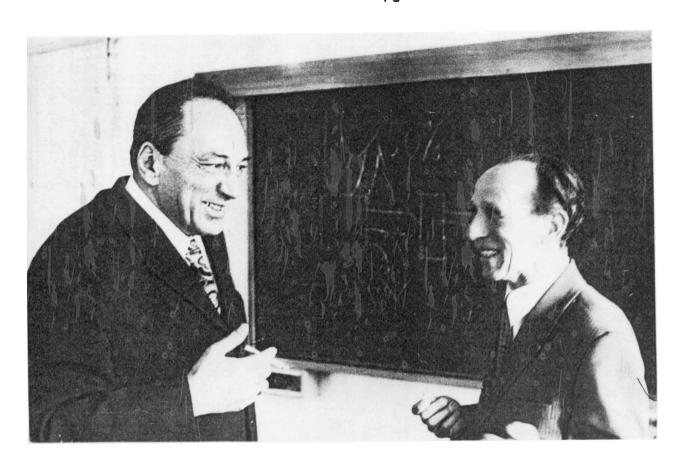
Бегут годы, что-то стирается из памяти, но величие и великолепие образа Р.В. Ковалева незабываемы. Созданием Института почвоведения и агрохимии СО АН он при жизни воздвиг себе памятник, и хочется верить, что этот институт будет когда-нибудь носить его имя. "Благодарность - не аморфное чувство. Оно такое же реальное, как скажем бензин. Благодарностью можно заправить душу и двигать- ся по жизни дальше, как угодно высоко - до самых звезд, Господней перфонарты". Виктория Токарева, 1995.

Станислав Семенович Шварц

Со Станиславом Семеновичем Шварцем я встретилась в 1955 году, когда приезжала в Свердловск на несколько дней к мужу. Свой приезд решила совместить с поисками работы, так как к концу года был срок аспирантуры и предстояло перебираться на постоянное место жительства в Свердловск. Тогда весь Институт биологии размещался в 2-х этажном здании. Кабинет Станислава Семеновича был на 2-м этаже. Он внимательно меня выслушал, однако сказал, что принять на работу без согласия Б.А. Лебедева он не может, то есть этот вопрос я должна согласовать с ним. Станислав Семенович поразил меня своим величием и красотой. Казалась несовместимой с этим захудалым, почти убогим зданием такая колоритная личность.

В те годы частыми были философские семинары, научные собрания и разнообразные ученые советы. Стоило только Станиславу Семеновичу выступить, как все становилось понятным, доступным и значимым.

К большому моему сожалению общение с ним было редким. Кстати, всю свою жизнь, и тогда, и позднее, хотя это кому-то может показаться странным, я старалась избегать начальства. Мне всегда казалось неудобным отрывать у Станислава Семеновича драгоценное время на сои мелкие проблемы, и в основном я бывала у него в кабинете, тогда, когда он приглашал меня сам. Одно из приглашений было для меня чрезвычайно памятным и важным в моей научной дея-

Слева - направо: С. С. Шварц, Н. Н. Данилов

тельности. После смерти профессора Лаврова в сельхозинституте был объявлен конкурс на заведование кафедрой, и я подала туда необходимые документы и характеристику с места работы, которая, как известно, должна быть подписана директором и председателем профбюро. Я не очень надеялась на успех этого мероприятия, но неожиданя прошла по конкурсу и об этом известили Станислава Семенови-И вот он меня пригласил. Состоялась длительная беседа, в которой он меня убедил не переходить в сельхозинститут. Ero aprvменты были весьма убедительными, он открывал передо мною большие возможности и перспективы работы в Академии Наук. Все, что он говорил мне о возможности моего научного роста, в частности о докторской диссертации, мне тогда казалось совершенно нереальным. Главное же, что я для себя тогда уяснила, что Станислав Семенович ценит меня и относится ко мне с уважением. И я конечно осталась в институте.

Зонн Сергей Владимирович

Сергей Владимирович Зонн занимает особое место в моей жизни. Корни моего общения с ним уходят в далекое прошлое. Впервые мы встретились в 1957 году в Ильменском заповеднике. Приежал он туда как научный руководитель Ю.Д. Абатурова, и в течение нескольких дней мы знакомились с его объектами. Для меня уже тогда С.В. Зонн был главным авторитетным специалистом в области лесного почвоведения в стране. Не скрою я очень волновалась, тем более, что в Ильменском заповеднике до этого я не бывала и представление о его почвах имела по работам Богатырева.

В течении долгих лет идеи Сергея Владимировича "питали" мои мысли, вдохновляли на творчество. Они во многом способствовали завершению моей докторской диссертации, будучи моим "неофициальным" научным руководителем, а в последующем - оппонентом. Свои знания и опыт, душевную щедрость и доброту он постоянно отдает не только своим ученикам, но и всем, кто к нему обращается. Сердца многих исследователей переполняет чувство любви и благодарности к нему за помошь, поддержку, совет и внимание. Он для меня одинаково значим и как гениальный ученый, и как редкостной души человек.

1996-й год для Сергея Владимировича юбилейный. Ему исполнилось 90 лет! Г.В. Добровольский оценивая его творческий 70-ти леетний путь Сергея Владимировича Зонна, образно назвал его рыцарем отечественной науки.

1 апреля в день рождения Сергея Владимировича я позвонила ему домой, чтобы поздравить и пожелать ему всяческих благ, пустив в ход все свое красноречие и восторг. В ответ услышала удивительно теплые дорогие мне слова: "Все мои друзья собрались уже за сто-

С. В. Зонн

лом, и только Вас не хватает". Боже мой, как мне хотелось быть в день в кругу его дружной гостеприимной семьи и хорошо знакомых мне близких Сергею Владимировичу людей, с которыми я неоднократно встречалась на юбилеях, посвященных 60-, 70- и 80-летию этого редкостного человека! Вообще я не мыслила любой свой приезд в Москву без посещения Зонна Сергея Владимировича. Надо сказать, что обстановку радушия в доме создавала Валентина Владимировна, жена Сергея Владимировича, а после ее смерти - дочерью Мариной Сергеевной. Всегда накрывался стол, появлялись какие-то диковинные вина и закуски, часто с "грузинским колоритом", так как невестка (жена сына) грузинка. Часами длились беседы, которые вводили меня в курс не только отечественных, но и зарубежных новостей в почвоведении. Сергей Владимирович никогда не скрывал свою боль по поводу того, что "докучаевское" почвоведение где-то теряет свои передовые позиции.

Dogosas nos Beja habitua!

At legentes to base your conganger 60, non the curpo, repriser na song as i nuyou. He asperson the niggodier bar e must gasous, xosterver de nozspehere e 30 eegreer gagni, uv yka smo at uae le salució. U noorsey apareix herro pumas was nouset, neugennue, of grue noggsthee. Mus, a expertermo nomeramo Thet man me chenaument, heceson, pagyument a Cepgerna nauer a Bae 3 me donce 30mg. Bh beerga bexurgan mens hanguçõesto, yeseyai pensenvesto la lex garax u en ort koeffer k nægnernere Cum yayun 1 1899 lenga Thea get war mulegion McKn, canontemenn menyunay resión, menn u hazero. Magenore, 30 oms ru norugune u lege by get the agen to by the, as eguan by horgeres of curry nosspor

Mal marno. - 82 -A centre odeforfrægben er menuel par, yo mucho Henre 1 nosepres mosero B.IX berejou n grayy somberaco. Delk be nofferent breezast, qualt Chifult y evens your sure wa Proseno um Steccep. Dyrsas Bere Balerbua, eige pag Japaheemen nomerature confer u yenexol. Da liner to Sulestnant nogagon, zo i orgujection Conencações brus. Men nepergen as urbyw ulasming n mener agree manin: 117333, levere 14. Des. Ticenote, q. Y, ng. 2, up. 322, ngs 39 S. mar. 9 ou. 137-53-98. Beerga pager buger Boe y Ceds Humanauen neuen Bau B

Dopras Bera halsolna!

Doeary or nengemme ben me cuto da nament, nosaratrems Uccepenne une eaun ga ernances Laired u Lanera. Pero I mjoryt ymmun nensbex zyb comb n enthe no me, reco 1, ber. how, ne falignen une your Ho hemajoer, un bee unautur gother in chopmen mejas, a me theres. Vonepiga maro, 20 , ech 1 zur, Ocodemo ein yrect, 70 cun-Cleve hae nonvemme noumass mugus, nayry, bjænne or venens hisper mere rea up mo Janous regues a la encore Orraneaer my secrepanyunrouge, reprongennyer manegy namenter noprongennyer man, sør er u nægre nue e nekaposition recetus nagun. Hernogen ne ens moggias vor generby go mut u kan: «anaem " ho been po mas

ty ga or mo is rolopujo u mas minero estero, no mostag uy Koro. I orent coneasers u cozest-cubero bas, no crepas bancies uesneuganan sorques. No diese un nes neuganan sorques. No diese un nesapherence na unte ungapupa c Papulegen & Tues. Y mens up otes tquartes, a y bas 30 enlager to 0494 nagres, en have du astermus yet musteful there of the saw than meno ani que u egiqya. I repegta teds noese nepenecemens premaie in no a Searogapen Balourusuy à Ja mes Rosupens y 20 repue. 2018a passons, & Rosupens y anixapular. I Rega 8 gren meskaja e kenge propon, none n paenopuam, a nerga pasnopuame, un grapher. Restaur other & 1991, ho byen de 45 degneu mi cuajasz, a

Koncyectant of Zay obcars yustr lectaurais mo no uenquerpuna quexas qo goua, to 3 gentos des ne totale (601.) Manyeci. ha u eige njoujnec per 6, 9 8 genals Hil & Poroneuse livrac, a Bearma Carques & emper havorcion ux, qa carefteens pavery ne njuganja, neg mar, les nen herge tiv for sullies to ry befores, que une Luga - runaies super nertal. He payla enlaces. My 901. Zeraenerta 21 april 14. Dero P mon, ips bee aget ne man, ien xorrect Mr. haxiner e ajuen pyren, a me 9 11 nague nesko, teo nusero he nufreque nouve negne processas Bern gla nuclus ger klulers a grywe a Buanti, head a up pread golepleses en loss us? notaras man me u lobarely upalju of gregues Jano of En

yo own have to merkey. Radoporo unoro, nuevy senuo caren reportinged Mortology tremps nuiver we rose in pay un gelatt, a aproduj It kapur nenoment 10.1. war yry les negnes repairement, a aleuns he unsepend, a cc. anageter to kajoner en seiny bio lunch Nochem Mun chan noceyna Rhenery. Once nevnengaen nom De ma noun lee d'en mo eys. resepupo codany nito care. 5 cours. Bod year co cuperrore w jumpel igno, Me leve at enme more horre on nonellen pay keen bare seys As heccue Maya a he

Гришина Леонора Александровна

Эту замечательную женщину, это сокровище душевной доброты, открыла для меня М.И. Дергачева. Наше знакомство с Леонорой Александровной состоялось в 1969 году, когда она приехала в Свердловск оппонентом диссертации М.И. Дергачевой. Мария Ивановна с восхищением и восторгом говорила о Л.А. Гришиной. И мне рисовался ее образ как изумительно красивой и необыкновенно изысканной женщины. Оказалась, что она достаточно простая, крупная женщина (воистину хорошего человека должно быть много!) без светского лоска. Свое первое впечатление, вернее расхождение представления о Леоноре Александровне в моем воображении и в действительности я высказала Марии Ивановне, что стало известно Леоноре Александровне, и позднее она очень тактично высказала мне. Тем не менее это не помещало нашей длительной дружбе, удивительному взаимопониманию и необыкновенной доверительности в наших отношениях будь то личные семейные дела или профессиональные.

Чем больше я ее узнавала, тем больше испытывала к ней уважение и даже преклонение. Она была необыкновенно коммуникабельным человеком. Круг ее друзей был необыкновенно широким. У нее была необычайная легкость общения с людьми будь то академик или просто начинающий ученый.

С тех пор как ее не стало, а ушла она из жизни в 1989 году, что-то оборвалось в моей душе, прервалась связь с МГУ и даже с Москвой. Мой приезд в Москву как для нее, так и для меня был большим праздником. Я непременно была у нее в доме, мы общались на совещаниях, ходили в театр. В ней я всегда чувствовала необык-

новенную поддержку. Она была человеком необычайной силы воли. Очень немногие знали как тяжело она переживала болезнь своего старшего сына.

Позднее все более совершенствовались наши научные контакты. Она оппонировала диссертацию Т.С. Павловой. Внешний отзыв на докторскую диссертацию Леоноры Александровны Гришиной писала я, и не скрываю 6 что испытывала колоссальное удовольствие от этой работы как по новизне и смелости идей, так и обилию фактического материала. Думая о ней (а ее я вспоминаю чрезвычайно часто) я не сомневаюсь, что она была бы сейчас на "гребне" науки, и несомненно могла быть членом как зарубежной, так вновь созданных наших академий. Она свободно владела английским языком и всегда была в Думаю, что она центре внимания на международных симпозиумах. всегда достойно представляла жену контрадмирала на разных международных встречах. Мне всегда казалась эта супружеская пара: Леонора Александровна и Юрий Павлович - удивительно гармоничной. Каждый своим величием, своим значимостью в обществе дополняли друг друга.

5. МОИ УЧЕНИКИ И ПОМОЩНИКИ

Генриетта Клементьевна Ржанникова

Моей первой аспиранткой была Генриетта Клементьевна Ржанникова. Как ни парадоксально, учитель и ученик оказались ровесниками. Это не первый в моей жизни парадокс. В экспедиции на Южный Урал Е.М. Фильрозе для консультаций по почвам были приглашены я и Юрий Данилович Абатуров. В кузове машины при переездах от одного объекта к другому все пели песни. И я спросила у Юрия Даниловича: "Откуда Вы знаете песни моей молодости?" В ответ услышала, что он поет песни своей молодости. И вот только тут я узнала, что он тоже 1928 года рождения. Я всегда себя чувствовала значительно старше его, так как принимала у него еще вступительные экзамены в аспирантуру, была оппонентом его диссертации. Кроме того, он относился ко мне чрезвычайно почтительно и называл меня "крестной матерью". Надо сказать, что Генриетта Клементьевна была очень учтива, всегда была со мной на "Вы" и называла только по имени и отчеству, несмотря на то, что я пыталась внести какую-то дружескую нотку в наши отношения.

Работать с ней было очень легко. Она, пожалуй была самой грамотной из всех моих аспирантов. Она закончила с отличием Казанский университет по специальности почвоведение.

В те годы школа казанских почвоведов славилась как высококвалифицированными кадрами, так и хорошей аналитической базой. Там в свое время работал И.В. Тюрин, что несомненно способствовало формированию школы и научных интересов.

Объектом исследований Генриетты Клементьевны были горные почвы Среднего Урала. Уже тогда я вынашивала идею о буроземообразовании на Урале, в чем меня убедили еще предшествующие экспедиции. Однако аналитической основы для обоснования моих взглядов еще не Предстоял тщательный и длительный сбор полевого материала, чтобы выяснить географические закономерности распространения бурых почв, особенностей почвообразующих пород, лесной растительности и характера рельефа местности. Кроме того нужно было найти такие химические показатели диагностики изученных нами почв, которым можно было бы убедиться самим и убедить других в генетической принадлежности неоподволенных горных почв к бурым лесным. И первые шаги в этом направлении мы сделали вместе с Генриеттой Клементьевной. Оказалось, что кроме всего прочего, она была неплохим аналитиком, и очень исполнительным человеком. Стоило только намекнуть, что для полноты картины нам бы сделать еще какой-то анализ, она тут же бралась за дело. Ее руками была сделана масса анализов по определению валового и гранулометрического состава горных почв на разных стадиях их формирования (от ных неполноразвитых до полнопрофильных). Впервые был выделен из изученных почв ил и определен его валовой химический состав, торый является основным "источником информации" о направлении почвообразовательного процесса. Была определена емкость поглощекоторая оказалась близкой по абсолютным значениям к бу-LELN RNH рым лесным почвам Кавказа и Амурской области, развитых на тех же породах, что и уральские почвы. Наконец, нами были заложены основы изучения качественного состава гумуса, которые в дальнейшем успешно развивала в своих работах М.И. Дергачева. Во всяком случае, благодаря нашим совместным с Генриеттой Клементьевной Ржанниковой усилиям, были получены надежные критерии для обоснования буроземообразования на Урале.

Справедливости ради следует сказать, что идея о возможности формирования бурых лесных почв высказывалась некоторыми исследователями, но она была в значительной степени умозрительной и никто из них не располагал таким арсеналом данных комплексного изучения этих почв, который был накоплен к моменту завершения Генриеттой Клементьевной диссертации и позже в процессе выполнения других работ.

Генриетта Клементьевна Ржанникова защитила диссертацию на те-"Горно-лесные почвы южной тайги Среднего Урала и взаимосвязь их с лесной растительностью" в 1967 году. Защита прошла успешно. Главным ее оппонентом был И.Н. Гоголев, незадолго до этого он защитил докторскую диссертацию по бурым почвам Закарпатья. сомненно был большим знатоком бурых лесных почв и приглашение его быть оппонентом с одной стороны было почетно, с другой стороны ответственно. Когда по приезде в Свердловск он ознакомил нас с Генриеттой Клементьевной со своим отаывом (заранее прислал), то Генриетта Клементьевна сразу очень погрустнела. Он затронул, как почвовед, дискуссионные вопросы, на которые не еще ответа, но и они просто были непонятны для только не было Ученого совета нашего Института, где почвоведов в совете, кроме меня, не было. В то же время, его замечания могли оставить неблагоприятное впечатление о работе Г. К. Ржанниковой. Мне пришлось вмешаться и убедить его, что ряд замечаний нужно исключить из отвыва. Он согласился с моими доводами, пришлось перепечатать отзыв.

После защиты диссертации Генриетта. Клементьевна работала в лаборатории младшим научным сотрудником, участвовала во всех экспедициях, писала статьи и в общем стало ясно, что ей "тесно" в рамках этой должности. На должность старшего научного сотрудника, из финансовых соображений института и лаборатории, рассчитывать было нельзя.

К тому времени после смерти Г.Г. Каменского появилась вакансия доцента в лесотехническом институте по специальности лесное почвоведений. Она подала на конкурс, прошла и занялась преподавательской работой. Ей, как уже сложившемуся исследователю, эта работа, как мне казалось, не была по душе. Ее научная карьера фактически с переходом в лесотехнический институт кончилась, а из-за того, что она не участвовала в конференциях, круг ее научного общения сузился. Достигнув пенсионного возраста, она покинула работу.

Я переживала ее уход из лаборатории, так как ценила в ней способно исследователя и надежного человека. Для меня она была не просто ученицей, но и соратницей, единомышленницей. Некоторое время я сердилась на Александру Григорьевну Киршину, что она подала ей идею перейти в лесотехнический институт. Нас привыкли видеть с ней вместе на различных совещаниях, конференциях, и позднее спрашивали - куда исчезла Генриетта Клементьевна. Несомненно, оставшись в лаборатории, она продлила бы свой научный путь и при соответствующей инициативе (которой ей порой не хватало!) могла быть участницей многих интересных работ.

При всем своем внешнем обоянии или, точнее сказать, красоте, она не всегда располагала к себе людей. Она была остра на язык, любила съязвить, иногда даже зло. На себе я это никогда не чувс-

твовала, но замечала, что на нее обижаются сотрудники. Увы, у каждого свой характер, свое отношение к людям и событиям.

Валерий Степанович Дедков

В связи с утверждением МБП, которую выполнял наш институт, Станислав Семенович Шварц предложил мне принять участие в комплексных работах на лесотундровом стационаре "Харп". Для этой цели мне была выделена аспирантская единица, причем Станислав Семенович рекомендовал для работы в этом трудном в природном отношении районе взять непременно мужчину. И вот таким мужчиной оказался В.С. Дедков. Ни он и ни я, как руководитель почвенных исследований, в лесотундре никогда не работали. Мое преимущество перед ним было только в том, что я хорошо знала литературу. И, тем не менее, когда состоялся наш первый совместный с Валерием Степановичем выезд на Север, я не переставала удивляться своеобразию и пестроте почвенного покрова. Тиксотропию, пятна-медальоны, "классическое" голубовато-сивое оглеение, контрастность свойств почв на песках и глинах можно увидеть только в экстремальных условиях Севера.

Перед Валерием Степановичем была поставлена трудная задача составление почвенной карты площади стационара и изучение динамики почвенных процессов.

Все выпускники сельскохозяйственных институтов и тем более прошедшие через ГИПРОзем, хорошо владеют методами почвенной картографии, поэтому первое направление работы было для него относительно легким. Более трудоемким и сложным было наблюдение за сезонной динамикой почвенных процессов в условиях криогенеза. Надо

сказать, что к тому времени, когда мы начинали эти работы, не было достаточно опыта стационарных работ, описанного в литературе. Поэтому предстояло разработать методические подходы к изучаемым объектам, то есть выбрать наиболее информативные параметры, позволяющие полнее раскрыть сущность происходящих в почве процессов.

Валерий Степанович работал увлеченно и, я бы сказала, самоотверженно и с большой ответственностью. Все это позволило ему собрать обширный и очень полноценный материал, установить интересные Он, несмотря на свой "холерический" характер, оказался факты. очень наблюдательным исследователем, сумел увидеть и оценить то, что другие прежде не замечали. В частности, он обратил внимание на своеобразие гумусового профиля криогенных почв. Призвали на помошь М.И. Дергачеву, и их совместными усилиями был сделан важный теоретический вывод о ретинизации гумуса в условиях мералоты и сезонном преобразовании качественного состава гумуса. Была "материализована" Идея о роли мералоты как геохимического барьера. К сожалению Валерию Степановичу не удалось своевременно "застолбить" (так любил говорить Б.П. Колесников) эту идею, и она была изложена в работах Макеева. Несомненной методической удачей было усовершенствование метода определения окислительно-восстановительного потенциала почв. Все эти материалы были обобщены в диссертации и многочисленных публикациях.

Работа несомненно была очень интересная и успех ее защиты для меня был очевиден. Представлена она была в Ученый совет МГУ, где были крупнейшие знатоки и признанные теоретики северных почв: Л.О. Таргульян, Н.А. Караваева, В.Д. Васильевская и др. Труднее было с самим диссертантом. В то время он еще был неуверенным в себе, не хватало эрудиции и внешнего "лоска". Я очень волновалась

за него. Боже мой, сколько раз мы репетировали доклад, сколько мучила я его всякими вопросами, которые, как мне казалось, могут задать, требуя лаконичных и содержательных ответов. Я вместе с ним поехала в Москву на защиту, и там еще, уединившись в какой-то аудитории, мы еще дважды "прогнали" доклад.

Валерий Степанович очень волновался, но доложил хорошо. Было много вопросов, достаточно трудных. Я то знала, что он может на них ответить, но было неожиданным, что он после каждого заданного вопроса долго молчал, устремив свой взгляд в глубину аудитории. Я ерзала на месте и повторяла про себя: "Ну давай, давай, ты же знаешь!". И, наконец, наступал обстоятельный ответ и облегчение.

Защита прошла успешно. Мне, как руководителю, было представлено слово, и я хвалила его как могла. После защиты ко мне подошел В.О. Таргульян поздравить с удачной защитой моего ученика, сказав при этом, что "он хоть и тугодум, но соображает хорошо". Я то знала, что это не тугодумство, а лишь способ сосредоточиться, прокрутив в голове достойный ответ, а отсюда и длительные паузы при ответах на вопросы. Итак, был завершен этот этап работы, который мне казался самым значительным в научном творчестве Валерия Степановича. Северные почвы были для него первой любовью, которая стала путеводной звездой на его научном пути.

В дальнейшем был Полярный, Приполярный, Северный и Средний Урал. Это были преимущественно географо-генетические и картографические работы. Среди последних хотелось бы особо отметить почвенную карту Ивдельского лесхова, которая составлялась в связи с нашими совместными работами с Почвенным институтом им. Докучаева по составлению 1:10000000листа "Ивдель" Государственной почвенной карты. Этой работой руководил В.М. Фридланд. Карты, полевые и

аналитические данные, систематический список почв (с привлечением моих данных по Вижайскому лесхозу Ивдельского района) я доложила в Почвенном институте и передала В.М. Фридланду.

Работа над макетом этого листа карты затянулась и после смерти В.М. Фридланда ее продолжала Р.М. Михайлова. Она очень ревниво относилась к нашим данным, претендуя на "знатока" уральских почв. Слышала, что этот лист в конце концов вышел, но я его не видела и не знаю сохранилось ли наше соавторство в создании этой карты.

Почвенная съемка лесных почв Бисертского и Билимбаевского лесхозов (Средний Урал) проводилась В.С. Дедковым и Т.С. Павловой под моим руководством по хоздоговору с Ульяновской лесоустроительной экспедицией. Подобных почвенно-картографических работ на Урале ни до, ни после никто не проводил. По материалам этих работ был опубликован ряд совместных статей. Но к большому сожалению сами почвенные карты, составленные для целей лесного хозяйства, остались практически невостребованными. Увы, наше лесное хозяйство, как тогда, так и теперь не было готово грамотно использовать эти карты как руководство к осуществлению многих практических задач лесного хозяйства. Для нас эта работа была важным этапом в познании генезиса и пространственного распределения почв, и, что самое важное, еще более укрепилась моя концепция о бурых лесных почвах на Урале.

Заключительным аккордом участия В.С. в изучении лесных почв были стационарные работы биогеоценотических исследований в еловых лесах Среднего Урала (стационар Кузино). По инициативе Валерия Степановича был проведен достаточно интересный полевой опыт по применению ионообменных смол для учета профильной миграции веществ. Вопреки нашим предположениям, морфологическому облику и

вещественному составу почв стационара были получены данные об огромных масштабах вертикальной миграции практически всех химических элементов. Валерий Степанович выдвинул "идею о тотальном выносе веществ" в бурых горных почвах в противоположность моей точврения об относительном равновесии между поступлением и выносом веществ при буроземообразовании. В случае же, когда вынос начинает доминировать над поступлением, становится возможным формина буроземообразование рование элювиального горизонта, то есть накладываются сопутствующие в наших условиях процессы оподзоливания или оглеения. Как оказалось "ларчик просто открывался" - при опыта было резко нарушено структурное состояние почв и закладке растворы "пополали". Необходимо было продолжение эксперимента, но "вдохновения" у Валерия Степановича на это не хватило. Тем не менее полученные данные убедительно показали, что нарушение почвенного покрова в горных условиях чревато быстрым ухудшением почвенного плодородия.

К этому времени Валерий Степанович был уже далеко не новичком в науке. Он стал эрудированным ученым, смелым, уверенным в своих суждениях, активно воспринимал все новое в науке. Пожалуй никто из моих учеников не сделал столь решительных скачков в своем становлении как он. С ним стало приятно вступать в дискуссии, чувствовать в какой-то мере своим оппонентом. Но как бывало с молодыми учеными, достигшими определенных успехов в овладении специальностью, он любил "покуражиться" над начинающими. На кандидатских и даже вступительных экзаменах у аспирантов он хотел непременно показать, что тот ничего не знает. Никто не желал, чтобы Валерий Степанович был в комиссии по приему экзаменов, а он почему-то этим даже гордился. Мне это казалось странным, смешным, тем более

я то помню, как он сам сдавал экзамены. Эта "болезнь величия" с возрастом проходит. Все мы к старости становимся снисходительнее и добрее.

Потом наступил смутный период перестройки. Дух "коммерческой" науки, к сожалению, охватил и его. Начались какие-то заработки в альянсе с Садыковым, создание "ТРЭНа", как показала жизнь, никому не нужного, и наконец желание приватизировать лабораторию, неоправданная попытка создать химическую лабораторию на Салехардском стационаре, куда была вывезена значительная часть нашего лабораторного имущества, приборов, что-то потом частично было возвращено по моему настоянию. Это был самый тяжелый и горький период моей работы в лаборатории, хоть я и старалась не показывать вида.

Я была категорически против приватизации, и поэтому все организационные вопросы обсуждались, как правило, без моего участия. Определился уже директор и его зам. Мой вопрос - какая же роль мне отводится при этом - обошли молчанием. Обидно, что все это затевали мои ученики, а поддерживала их часть сотрудников, в которых я очень верила.

Я благодарна В.Н. Большакову, который поставил все на место, сказав, что имущество АН не подлежит приватизации. Если эта проблема была решена, то вся дальнейшая деятельность Валерия Степановича была посвящена "денежным отношениям". В этом несомненно веяние времени и, если я его осуждаю, то только за то, что за своим "я" он потерял "мы", то есть не стало заботы о коллективе.

Как правило, анализы делались "на стороне", а, следовательно, сотрудники лаборатории были лишены дополнительных заработков. Лаборатория держалась на моих хоздоговорах - был сделан ремонт лаборатории, приобретен компьютер, дискеты, бумага и прочее. А вот

копировальную машину (Canon) по моему настоянию приобрели мы пополам с Валерием Степановичем.

Благодаря моим договорам Павловой Т.С., Лукьянец Г.Н., Ендукиной А.П. была обеспечена высокая пенсия. Об этом я пишу не из бахвальства — вот мол я какая хорошая, а из сожаления, что Валерий Степанович оказался в стороне от интересов лаборатории. Но главная моя тревога даже не в этом. Обладая таким богатым материалом, он в последние годы мало их публиковал и не сделал даже попытку обобщить их в докторскую диссертацию. Это несомненно упрочило бы не только его положение, но и лаборатории в целом.

Несмотря на обидные слова, сказанные в его адрес, я далека от мысли быть ему строгим судьей. Каждый живет и трудится сообразно своим взглядам, желаниям и потребностям, а я "сотрясаю воздух", очевидно как человек иного поколения, с уже устаревшими взглядами. Как бы то ни было с ним вместе мною пройден 30-летний путь в науке. И когда я думаю о нем, то невольно на ум приходит мудрое изречение - "учитель воспитай ученика, чтобы было у кого учиться".

Валерий Степанович, несомненно, незаурядная личность. Он пишет стихи, с большим знанием и увлечением коллекционирует минералы (к чему приобщил многих своих друзей), обладает художественным вкусом в изготовлении ювелирных изделий, владеет рисунком.

Каждый из нас может с благодарностью вспомнить посвящения в стихах просто к праздникам и к большим юбилеям. К его 50-летию мы собрали часть его стихов, переплели и подарили ему это "издание". Что касается меня, то я с благодарностью храню сделанный его руками очень ценный для меня подарок - балалаечник из камня. Он вручил мне его на банкете по поводу защиты им кандидатской диссертации. С тех пор прошло много лет, но всякий раз, когда я гля-

Дорогой вене Угавивые to engraro upulequeferens et upoqueloperar maretur! 30. KI. 82.

a re spuxeyst name GPA!-me : Poem nærber etæmsko met, To buepour na Thane Eest mogseecop - norbobeg! tyens upogseeene re rposeica, Lygens nesura ree & eeur, Ho désarres de novouveux manors beenen zono much! Transvo rome manor busse: Transie nouve reverkee -Ho Rovere Baune rojor?-Tognaciyi yrenuxu!

BALES

John And Men Junt

Mugmin

жу на эту фигурку, предо мной встает образ Валерия Степановича, талантливого, увлеченного человека с его щедрой, открытой душой, пытливого, способного исследователя. Хочется верить и надеяться, что со временем произойдет пересмотр ценностей, придет прозрение и перед ним откроются горизонты истинной науки.

К сожалению о других своих учениках: Т. С. Павловой, М. И. Дергачевой, Е. В. Прокопович, Г. Г. Новогородовой, В. В. Каневе, П. В. Мещерякове, Ф. Г. Гафурове, И. А. Ужеговой, Г. Г. Борисовой, С. Ю. Кайгородовой - Вера Павловна написать не успела (смотри лишь послесловие).

Наши помощники

"Вы без работы не останетесь вода и здесь нужна всегда!
Учтите, в каждой диссертации есть доля Вашего труда"

В.С. Дедков

Особую группу работающих в лаборатории составляли мойщицы химической посуды. Они же следили за перегонкой дистиллированной воды, стирали халаты, полотенца, почвенные мешочки и пр. По штату они значились рабочими, а иногда препараторами. Как правило, это были пожилые неграмотные женщины трудной судьбы.

Первым нашим препаратором была Софья Ивановна Полякова, хрупкая, кроткая, миловидная старушка. В лабораторию лесоведения она перешла из лесной опытной станции. Несмотря на преклонный возраст, ей не хватало стажа, а потому она вынуждена была работать. Кроме того, у нее не было жилья, которого пришлось ждать долгие годы. В конце концов, получив квартиру и пенсию, она ушла с работы, но вскоре умерла. Хоронили ее мы всей лабораторией.

На смену ей пришла Мария Федотовна Храмцова. Свою старость она приехала "коротать" к детям из деревни. Проработав в колхозе всю жизнь, она - вдова участника войны, так и не "заслужила" пенсии. Жить на иждивении детей и не могла, и не хотела. В дальнейшем с большим трудом, благодаря моему депутатскому опыту и полномочиям, удалось "пробить" ей мизерную пенсию и поставить ее на очередь для получения квартиры.

Судьба распорядилась так, что на ее руках оказался великовозрастный душевно больной сын. Получив в конце концов квартиру и более "полноценную" пенсию, Мария Федотовна еще долго продолжала работать и ушла на давно заслуженный отдых только в 84 года. В доме у нее всегда была чистота и порядок. Пол был застелен красивыми светлыми половиками, сотканными своими руками.

На свое 90-летие она пригласила весь наш коллектив и потчевала чаем с пирогами и очень вкусным хворостом каких-то причудливых
форм. Потом она похоронила сына, и, казалось, наступил какой-то
покой, но острее стало одиночество и грусть, хоть была дочь и
внуки, но у них все тоже не всегда было гладко, свои заботы и
трудности. Оставив свою квартиру внучке, она переехала жить к дочери. Когда думаешь о ней, то не перестаешь удивляться, откуда
черпали эти простые, безграмотные женщины, которых на Руси было
так много, свои жизненные силы, не озлобились, не очерствели от
всего пережитого. Она никогда не роптала на свою жизнь, умела ею
радоваться, а в праздники задорно споет "озорные" частушки и
сплящет, забавно размахивая руками.

Этой милой труженице, проработавшей в лаборатории долгие годы В.С. Дедков посвятил свои стихи:

В комнатушке дистиллятор, Стол, да стул, сушилка рядом. Тетя Маша - препаратор Здесь командует парадом! Не спешит, и год за годом Без болезни, без простуды Потихоньку гонит воду Моет грязную посуду! Люди бъются за зарплату И за прочее такое, Люди рвутся в кандидаты, А она посуду моет... Может в этой вот посуде И разгадка долголетья: Слишком много надо людям, Потому и жизни нету! Состяваемся с судьбою, Ищем счастья, жаждем чуда. Оставляем за собою Только грязную посуду!

Из жизни Мария Федотовна ушла в 1995 году, полгода "недотянув" до своего 95-летия. По словам дочери, которая оповестила нас о ее смерти, она часто вспоминала коллектив. Такие люди, как она умели быть благодарными даже за самую малость. Впрочем она была предметом нашей особой заботы и внимания. За счет денег по хоздо-

говорным работам и выделенную институтом сумму, мы оказали довольно ощутимую материальную помощь на ее похороны и возложили на могилу очень красивый венок.

Сейчас в такой должности работает Августа Петровна Ендукина. Это уже человек другого поколения, юность ее хоть и "опалила" война, но ни тогда, ни позже, она не испытала того изнурительного и непосильного труда, который выпал на долю двум нашим старушкам. Она получила образование, а сним и большую уверенность в жизни. Однако с приходом старости не обреда обеспеченности и благополучия, а потому вынуждена работать, несмотря на свои 67 лет. В лаборатории она уже работает 10 лет! Откровенно говоря, на эту должность тогда, и тем более сейчас, молодые женщины не идут, так как не устраивает не только мизерны оклад, но и условия труда. кому захочется весь день "полоскаться" в воде при мытье посуды после химических анализов с химически вредными веществами? За всю историю лаборатории были три женщины, которые не более 2-х лет выдерживали эту работу и уходили. Необходимость такого труда и таких людей совершенно очевидна, и большое им всем спасибо за их самоотверженность і

6. КОРОТКО О САМЫХ ДОРОГИХ МНЕ ЛЮДЯХ

Насколько быстро бегут годы и вот за плечами уже почти 50-летний опыт служения любой науке.

Когда-то наступает такое время, когда появляется потребность оглянуться назад, что-то восстановить в памяти, чем-то поделиться с другими. Хочется рассказать о людях, которые так много значили в моей жизни, в моем становлении как ученого и как человека, сказать всем им благодарное слово.

Возвращаясь к далекому прошлому, я думая о своей маме. Судьба у нее сложилась так, что ее образование составило лишь 4 класса церковно-приходской школы. Мама была красивой, мудрой, гордой, щедрой и очень хотела, чтобы во мне воплотилась то, чего не хватало ей. Она удержала меня, когда после 8 класса я вместе со своими подругами хотела податься в финансово-экономический техникум, сказав "заканчивай 10 классов, а там видно будет".

В 1947 году, когда я окончила школу, она меня "благословила" в университет. Одна ее ближайшая подруга, узнав, что я поступила в университет, сказала, что ты думаешь, что она у тебя будет профессором? На что мама с достоинством ответила: "А что - и будет!" Она не дожила до этого времени, но когда я стала профессором, придя на ее могилу я громко сказала: "Милая мамочка, твоя мечта сбылась - я стала профессором! Спасибо тебе за все!" А при ее жизни как-то не находилось слов благодарности. Все воспринималось как должное. В аспирантские годы я убегала на кафедру, оставляя на весь день свою малышку Оленьку, и выполняла по дому лишь минимальные обязанности. И, когда я в срок после аспирантуры защитила кандидатскую диссертацию, наш зав. аспирантурой спросил меня:

"Как Вам это удалось?", то я ответила, что это заслуга моей мамы. На это он заметил, что уже давно пора около университета поставить памятник бабушкам. Когда я рассказала об этом маме, у нее на лице появилась счастливая улыбка. Она, да и все мои родные гордились мной, так как я была первым ученым в нашей многочисленной родне. А сейчас есть еще два доктора наук — моя золовка и мой двоюродный племянник и кандидат наук — мой муж.

Оле не было и года, когда я уехала в экспедицию в Вологодскую область, оставив ее на бабушку и дедушку, который специально устроился на летнее время работать в санатории в Репино, чтобы увести любимую внучку за город. Это было прекрасное место на берегу Финского залива, с чудесным песчаным пляжем и прекрасными сосновыми лесами.

Что касается решения вопроса о поступлении в аспирантуру, то первым моим советчиком был мой муж. Отчетливо понимая, что имея жену - ученого, он обрекает себя на многие лишения, и тем не менее говорил, что я непременно должна поступать в аспирантуру. Уже в свой медовый месяц, который мы провели в Подмосковье у моего свекора, я с утра до вечера "корпела" над английским языком. Надо заметить, что не только Дима, но и все родственники относились ко мне трепетно, оберегали мой покой. Одна из тетушек Димы с сочувствием приговаривала: "Бедная Верочка, целый день занимается!"

В первый экспедиционный сезон, когда рабочего мне не выделили, Дима - слушатель Военно-медицинской Академии - приехал во время отпуска ко мне и копал разрезы, о чем я уже писала. Качество их высоко оценила приехавшая в экспедицию старший научный сотрудник Музея почвоведения А. В. Барановская. А затем на кафедре долгими вечерами мы растирали образцы.

Возможность проведения дальнейших полевых работ, в том числе и по сбору материалов для докторской диссертации, стала реальной благодаря, в том числе, и моему свекору Фирсову Аркадию Ивановичу (я звала его папой) - лесничему Филипповского лесничества во Владимирской области. С момента замужества мы каждый год проводили у него отпуск в прекрасном Подмосковье - граница Владимирской и Московской областей. С трехмесячной младшей дочкой Анютой я приехала к нему в 1958 году в мае и пробыла там до сентября. А затем с 1959 по 1971 год (до смерти Аркадия Ивановича) дочки отдыхали у него. Помощь оказывала прекрасная женщина, живущая у него после смерти свекрови, Елизавета Алексеевна Громова (мы ее звали Лиза).

Прекрасная природа, свежий воздух, ключевая вода, полноценное питание - овощи, фрукты, молоко и другие молочные продукты, яйца и т.п. (все из своего хозяйства) хорошо укрепляли здоровье девочек.

Еще одна деталь, когда я закончила аналитическую работу по кандидатской диссертации, предстояло очень много рассчетов. На кафедре не было даже арифмометров! Аркадий Иванович в то время гостил у нас и по представленной мной схеме провел очень много арифметических расчетов. Сам Аркадий Иванович с большим уважением, любовью и заботой относился ко мне. Вот одно из его писем.

К сожалению я не знала свою свекровь, умершую до моего замужества, но Аркадий Иванович говорил Диме, что его жена очень бы ей (свекрови) понравилась. Superas Separna!

Fordpaluse mess « Soulain novelan-yenempun skywmm, sokmupekoù guetepmayen. U mase Dage Tobrobna e 2 benesps 19 proda ma unecus Hayer, Sok mapa Haye". I'mo Carcuse 36 anue yzenes Emeneser. (mobbs navyzerni smo zbance mpeby soul server breaser Ha noverpolity, whose noverment труда, мини сила, мини вым, тем были женизим, managen centre e l'mone brand coemes ne very apendenнай клаужбе: Это выменно только имел твердом Lapaning, Cu is my best a merane nochimus rest наум. Вклики полученыя тобай научная знания, HI & Aprilone dopost ben't must bille muster. Uga po Iman Magtokan gapou Mastet, mede bydem souce comans. bumu, zma mede uedo gerant sholt um nepederaloni, uenpolatus smaper que most smede recobercito beener commend from gul, eye Same, eyeure yearlus choere cymien cotarus.

Верогия, для побгојовки дистертации линого, конегия, 3 amparens u 3 depolts. I mess gemen u auscolon suysu is THE HAN HYSILLE KAIL COSTYX YEAR LENGTH A NORMING MADE manejo nedo omajancis besomans bund cos stopolos go нирманской. Я очек род такому совпадению то за nocus Soutwest mayor a repense beaut Syderat unent smuyek u malus mo, imo l'amon omuyer y mess présydem le vourse maprant élasté-que capma que, a bydemb smacisant u he dynamt, rûs mb Kernjie gerinke, kerny me ordsona, a sydemb cess rybembelant nesolucuman гремпанки республика СССР. В доментием набо соб-Aporant colomi leparei. A gymais u paderoct, imo mede menept sydem serve, mentine mpyde, neuture zesome, меньня приниваний, а вые это послужит на пользу 30 apre 61.

For objectores in bourn yenexam.

Herard mede le ganthérimes yenera no enjude

Cycnesaum Aanos a buneje C Bann A passiculos
Many parocont

Many parocont

Many parocont

May Sac K Cebe

Tana, hedywica

2 hucusps

18711.

7. ПОСЛЕСЛОВИЕ

К большому сожалению судьба распорядилась так, что Вера Павловна не смогла закончить свои воспоминания, но вот полный их план. А в небольшом разделе, подготовленном ею и найденном в архивах, подводятся итоги воистину "многоюбилейному" 1996 году и очень коротко дается характеристика сотрудников, о которых она не успела написать...

Наши юбилеи

1996 год воистину многоюбилейный как в широких масштабах, так и в рамках нашей лаборатории. Достаточно сказать, что в этом году почвоведы на своем очередном съезде отмечали 150-летие со дня рождения основоположника нашей науки В.В. Докучаева, 100-летие со дня рождения замечательного почвоведа А.А. Роде и 90-летие, к счастью ныне здравствующего С.В. Зонна - "рыцаря отечественной науки о почве" (по образному выражению главы почвоведов России Г.В. Добровольского, кстати отметившего в этом году свое 80-летие).

Для нас этот год примечателен тем, что в сентябре месяце мы отмечаем 40-летие лесного почвоведения на Урале. Одновременно я отмечаю свой 40-летний юбилей работы в Институте экологии и по праву могу себя считать основоположницей лесного почвоведения на Урале при исключительной помощи, участии и поддержке Б.П. Колесникова и С.С. Шварца.

1. Berynulaue Ofuegasusual Oblepens une - sog Kjarras ner purcence Cufulent - 12et (muens) Mon zenens V 1. Jabi Muller - Reg. + Jeg. in n nogstjær A. A 30 H/7 V3. Kobaulb - 6 cyt feg, nopper V1. Moulenand - + much us (?) - 5. ulbapy i - 6. M. Pretter. - 7 Thumurs rolls?

nehanus

Many wouldwaynen

1. PREGHAMMA

2. Depol

3 Maliuts

4. Depraals

5. Thoma works

6. swhore popul

7. nauch

8. Muye to

9 Tadapol

17. Kharopoto

13. To puerle.

В этом году суммарный стаж работы в институте сотрудников современного состава даборатории составит 225 лет. Из них 35 лет самозабвенно служит нашей науке Т.С. Павлова - один из крупных специалистов в области изучения биологического круговорота веществ в системе лесная растительность - почва; 30 лет трудится В.С. Дедков - эрудированный почвовед широкого профиля, крупнейший знаток почв Крайнего Севера и особенностей криогенного почвообравования; 30 лет работает в лаборатории С.Г. Журавлева - опытный аналитик, участниуа почти всех экспедиций, аккуратный оформитель рисунков, графиков и таблиц ко многим нашим изданиям, диссертациям, докладам и отчетам; 27 лет работает Т.А. Горячева - исполнительный научный сотрудник, владеющий многими методами полевого и лабораторного исследования почв. 20 лет из своего 40-летнего стажа работы посвятила лаборатории Г.Н. Лукьянец - опытный аналитик, незаменимый человек. Вот уже 12 лет в нашем коллективе работает П.В. Мещеряков - инициативный и эрудированный научный сотрудник. заложивший основы агроэкологического почвоведения, талантливый и активный "проповедник" знаний о почвах. 17 лет трудится в лаборатории Е.В. Прокопович - чрезвычайно инициативный исследователь, исключительный аналитик, заинтересованный и небезразличный к интересам лаборатории человек. 10 лет с нами в лаборатории А.П. Ендукина - скромная труженица, надежный и исполнительный человек. 4 года составляет стаж работы в лаборатории С.Ю. Кайгородовой, которая уже проявила себя как вдумчивый и инициативный исследователь, способный решать сложные проблемы. У нее все еще впереди.

Сила нашего коллектива в чистоте, справедливости и доброте отношений в коллективе.